

Когда любовь сияет ярче звезд...

Полярная звезда

18+

Мехтап Фырат

Мехтап Фырат
Полярная звезда
Серия «Freedom. Бестселлеры
турецкой романтики»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70183867*

*Полярная звезда: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197754-2*

Аннотация

Если смотреть на Полярную звезду не глазами, а сердцем, то она точно приведет тебя к заветной цели. Эту историю я услышала, когда мне было десять.

Я не знаю своих родителей, так как всю жизнь провела в детском доме. Зато там я встретила свою лучшую подругу Сенем. Мы стали почти сестрами и коротали дни, наслаждаясь обществом друг друга. Но однажды нас с Сенем решили удочерить, и жизнь разделилась на до и после.

Новый дом, колледж, сплетни сверстников. Все как в сериалах, которые мы смотрели с Сенем. Самый привлекательный и популярный парень, Демир, почему-то начинает оказывать мне знаки внимания. Самое ужасное, что я тоже начинаю проникаться к нему чувствами... Но нельзя даже думать об этом, потому что Демир нравится Сенем. А самый главный мой страх – это

потерять лучшую подругу. И только Полярная звезда может указать правильный путь...

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	49
Глава 3	71
Глава 4	95
Глава 5	128
Глава 6	144
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Мехтап Фырат

Полярная звезда

Mehtap Firat

Kutup Yildizi Vol. 1

*** * ***

Copyright © 2017 by Mehtap Firat

© Шевцова Д., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Пролог

31 декабря 2015 г.

Молодой человек снова затянулся сигаретой, зажатой между кончиков пальцев, и, выдохнув дым, убрал зажигалку. Стараясь не обращать внимания на холодный ветер, он похлопал себя по карманам. Металлическая зажигалка, которую он с таким трудом нашел, после пары попыток заработала. Но ветер дул так сильно, что маленький огонек быстро гас и юноша никак не мог развести огонь. Он повторил действие несколько раз, но безрезультатно. Парень закатил глаза и снова взялся за зажигалку. Он наклонился и поднес ее к скомканному куску газеты. Тонкая бумага, наконец, разгорелась, и он с облегчением обнял себя за плечи, радуясь, что у него получилось.

Он все же это сделал. Когда юноша проверил свои часы, то понял, что время на исходе. Нужно спешить. Он почти завершил все свои приготовления, осталось только вывести девушек из их комнаты. Еще следовало объяснить им, где его носило весь день, а ведь нелегко говорить с этими злобными девчонками. Но сначала нужно найти способ вытащить их из спальни. Он должен быть осторожным и тихим. Если

директор детского дома, госпожа Севда, узнает, что он пробрался в женский корпус, то накажет его навечно за нарушение правил.

Несколько лет назад молодая девушка покончила с собой в детском доме.

Госпожа Севда пережила очень сложный период из-за этого, поэтому теперь требовала неукоснительного соблюдения правил. Но в эту ночь юноше было не до них. После всех этих лет Мустафа решил сделать двух своих лучших друзей счастливыми.

Он задумал нечто необыкновенное и выбрал тот самый день – канун Нового года.

На полу террасы, на маленьком коврике, который он придавил по краям камнями, чтобы ветер не сдул его, он расставил закуски и напитки. Мустафа осмотрелся и удовлетворенно хмыкнул – все вышло так, как он хотел.

Не теряя времени, Мустафа направился в сторону лестницы. Когда он поднялся на этаж, где находилась комната девушек, он огляделся и, стараясь не шуметь, тихо пошел по коридору. Если бы кто-нибудь увидел его входящим в здание, Мустафе действительно пришел бы конец: мальчикам запрещалось входить в корпус девочек, и это правило считалось нерушимым. Но сегодня Мустафа пренебрег им.

Не обращая внимания на хихиканье, доносившееся из комнат, он на цыпочках остановился прямо перед дверью своих друзей.

Ниса и Сенем, не подозревая о приходе Мустафы, примеряли подарки, которые они купили друг другу на Новый год. Несмотря на то что девушки не делали ничего особенного, внезапно распахнувшаяся дверь порядком напугала их. Они не привыкли к тому, чтобы кто-то входил в их комнату. Мустафа усмехнулся, просунув голову в дверной проем, и Ниса одарила его строгим взглядом. Она как бы говорила ему, что следовало предупредить о приходе заранее.

– Блонди! Вредина! – Тон голоса Мустафы прозвучал по-детски. Девушки подскочили на своих местах от неожиданности, но глубоко вздохнули от облегчения, увидев друга. Они продолжили смотреть на него, когда он вошел в комнату.

– Мустафа, что ты здесь делаешь!? – В то время как Сенем спокойно молчала, Ниса тут же начала кричать. Она всегда вела себя так. За столько лет Мустафа, конечно, очень хорошо узнал обеих подруг. Одна из них была такой же безрассудной и беспечной, как он сам, а другая – тревожной и переживающей обо всем на свете. Но сегодня особенная ночь. Возможно, последняя, которую они проведут вместе.

– Приходите на крышу в половине одиннадцатого. Хорошо? – Мустафа, проигнорировав выпад Нисы, продолжил говорить. Он предложил девушкам нарушить запрет. Глаза Сенем заблестели от возбуждения, а Ниса нахмурилась еще сильнее.

– Ты с ума сошел? Не глупи, госпожа Севда очень рассер-

дится. — Ниса слишком высоко ценила директора детского дома и ее правила. Она не любила нарушать их. Но ее возражения оказались напрасны, потому что и Сенем, и Мустафа не придали никакого значения ее серьезному тону. Ниса, хоть и была права, потерпела поражение, потому что одна выступала против двоих.

— Она не рассердится, если ты ничего не расскажешь, — возразила Сенем, разделяя волнение Мустафы. Лицо Нисы стало еще более угрюмым. Ей скорее не хотелось расстраивать госпожу Севду, чем нарушать запреты. Когда друзья так поступили и поставили ее перед трудным выбором, она рассердилась. Вдобавок, она была уверена, что Мустафа хитростью пробрался в здание.

— Ты храбрая, блонди. Слушай, у меня есть закуски и все такое. Мы вместе посмотрим фейерверк. Не сопротивляйся. — Не дав Нисе снова возразить, Мустафа медленно закрыл дверь. Так быстро, как только мог, он, никем не замеченный, направился к лестнице, ведущей из коридоров на террасу.

Ниса и Сенем, оставшись одни после ухода Мустафы, некоторое время продолжали смотреть друг на друга. С волнением, сияющим в зеленых глазах, Сенем откинула назад светлые волосы и встала. Она надела кардиган и достала из-под кровати толстое одеяло, подумав, что на полу террасы им может быть холодно. Когда она поняла, что Ниса все еще смотрит на нее неодобрительным взглядом, то подошла к по-

друге с лукавой улыбкой на лице. Она предпочла взять на себя задачу уговорить Нису, чтобы не убить энтузиазм Мустафы и чтобы все его усилия не оказались напрасными. Сенем достала из шкафа кардиган, который купила для Нисы, и надела его ей на голову, не обращая внимания на ее суровый взгляд.

– Давай, Ниса! Смотри, у парнишки столько планов. Будет очень жаль, если мы не пойдем. – Ниса, мечтая, чтобы вечер закончился хорошо, поправила кардиган, который на нее надела соседка по комнате. На самом деле, она очень хорошо знала своих друзей, так же, как и Мустафа знал ее и Сенем. И она отлично понимала, для кого он организовал этот сюрприз, чтобы произвести впечатление, но не могла ничего сказать из-за обещания, которое дала.

Обычно Ниса замечала вещи, о которых Сенем вообще не подозревала. Она уже давно поняла, насколько сильны чувства их лучшего друга. Ниса постоянно подшучивала над Мустафой из-за этого, но Сенем никогда ничего не видел.

Когда они были совсем маленькими и учились в начальной школе, Ниса стала свидетелем, как Мустафа подрался с другим мальчиком из-за Сенем. Пусть тогда она была ребенком, все поняла в первую секунду. Она не оставила это без внимания. Хотя Мустафа каждый раз пытался быстро замять разговор, он хорошо знал, что Ниса настойчива и скрывать что-либо от нее бессмысленно. Чувства юноши росли, он больше не мог смотреть на свою детскую любовь, как

раньше. Мустафа решил, что со временем изменился, и делал вид, что ничего не происходит. Хотя Ниса считала, что это защитная реакция из-за его любви, Мустафа думал иначе. Думал, что защищал Сенем, потому что относился к ней как старший брат. Что от его прежних чувств не осталось и следа. Хотя Ниса постоянно говорила ему, что теперь следует открыться Мустафа молчал. Вместо того чтобы спросить друга о причинах этого, Ниса сама придумала их. Ей казалось, Мустафа и Сенем очень подходят друг другу: Сенем веселая и активная, Мустафа – наоборот, очень спокойный. Ниса думала, что они дополняют друг друга, но все оказалось не так.

Сенем не понимала, почему Ниса долго смотрит на нее, а та быстро двинулась к выходу, чтобы не выдать свои мысли. Она не забыла захватить подарок, который они купили для Мустафы. Они с Сенем потратили свои накопления на новые часы для него, потому что Мустафа жаловался, что в последнее время его часы барахлят.

Не теряя ни минуты, Сенем аккуратно открыла дверь их комнаты и проверила коридор. Убедившись, что там никого нет, она вышла наружу и потащила за собой Нису. Они направились в сторону лестницы, не обращая внимания на скрип обуви о половицы. Пока они медленно поднимались на террасу, Ниса все больше переживала. Она больше не могла молчать.

– Нас ведь не поймают, правда? – Пока Сенем подносила

указательный палец к губам, чтобы сказать ей заткнуться, Ниса изо всех сил старалась не закатить глаза.

Она не хотела сбивать настрой Сенем, но ей не нравилось делать то, на что у нее не было желания.

Когда они вышли на террасу, глаза Сенем округлились от удивления. Она прикусила губу и с разбега прыгнула на Мустафу, улыбаясь во весь рот. Ниса последовала за подругой, с трудом удерживая толстое одеяло в руках. Когда она увидела, что друзья обнимаются, то посмотрела прямо в карие глаза Мустафы и лукаво усмехнулась. «Ты снова завоевал сердце блонди», – подумала она. Отстранившись от Мустафы, Сенем подошла к огню, горящему в консервной банке, и села на ковер на полу, скрестив ноги. Настала очередь Нисы обниматься. Отбросив всю свою угрюмость и хитрую улыбку, она обняла человека, которому доверяла больше всего в этой жизни.

– Хороший трюк, приятель, – с усмешкой прошептала она ему на ухо.

Понимая, что девушка проведет тут всю ночь, Мустафа довольствовался тем, что дернул ее за волосы, как непослушного ребенка. Ниса, не желая уступать, легонько потрепала его по плечу, затем устроилась у костра рядом с Сенем и принялась есть.

Пока Мустафа разливал приготовленные напитки в пластиковые стаканчики, которые принес с собой, Сенем расстелила на ковре одеяло так, чтобы под ним могли поме-

ститься три человека. Передав питье девушкам, Мустафа залез под одеяло и сел между ними. Воспользовавшись случаем, Сенем достала из кармана кардигана подарок и протянула его Мустафе.

– От нас обеих, – сказала Сенем и передала ему коробочку. Мустафа, смутившись, почесал шею и начал открывать подарок. Когда он увидел серебряные часы внутри, его чувство усилилось и ему стало неловко.

– Мне так стыдно, ведь я ничего вам не купил... – Девушки проигнорировали слова Мустафы, а Сенем выхватила у него часы и надела их ему на руку.

– Тебе очень идет, – прошептала она, улыбаясь как ребенок. – А еще ты подготовил все это! О чем еще я могу просить, Мустафа?

Пока Сенем расставляла на ковре тщательно приготовленные закуски и напитки, Ниса спокойно слушала диалог между друзьями, положив голову на плечо Мустафы. Тот почувствовал, что Ниса согласна с Сенем, посмотрел на часы на руке и подумал, что те действительно ему идут. Он снова осознал, что никогда не хотел бы расставаться с этими девушками.

С грустью, отразившейся на его лице, он перевел взгляд на только что начавшийся фейерверк, и обе подруги последовали его примеру. Сенем, как и Ниса, положила голову на плечо Мустафы. Размышляя об исчезновении надежд и мечтаний, друзья несколько минут смотрели, не издавая ни зву-

ка, как взрываются искры.

Ниса вспомнила первый и единственный раз, когда видела мать. Она как будто вновь слышала свои крики. Девушка задавалась вопросом, вернется ли та когда-нибудь? Что, если окажется слишком поздно? Что, если она опоздает? Что, если у нее действительно мало времени? Что она тогда сделает? Куда пойдет? Как будет жить после того, как однажды уедет отсюда?

Сенем...

Она представляла, что могла бы нарисовать увиденные фейерверки. После дорожной аварии, в которой она потеряла семью, она посвятила себя только Нисе и живописи. Она годами переносила на бумагу все прекрасные вещи, о которых мечтала. Когда завтра утром она откроет глаза, то первое, что сделает – отразит на бумаге все великолепие фейерверка.

В голове Мустафы, однако, вращались совершенно другие мысли. Он собирался раскрыть тайну, о которой узнал от госпожи Севды несколько дней назад, и ему следовало отдалиться от девушек, чтобы прощание вышло более легким. Хотя это причиняло ему боль, сердца двух подруг, сидящих рядом с ним, были важнее.

– Мы уже в новом году? – несколько минут спустя прошептала Ниса. Казалось, она вообще не хотела вступать в новый год.

– Похоже на то. Смотри, как сверкают фейерверки. – По-

ка Ниса молчала, Сенем вытерла слезу на щеке тыльной стороной ладони и хихикнула. Потому что придумала, как их развеселить.

– Если мы будем смотреть очень внимательно, интересно, сможем ли мы увидеть Стамбул? – С детства самой большой мечтой Нисы было увидеть Стамбул и узнать его. Хотя детский дом, в котором они жили, находился недалеко, у нее никогда не было возможности посетить этот прекрасный город. Ниса думала, что если однажды она сможет туда поехать, то задержится в нем.

Мустафа сказал:

– Ниса, смотри, это как будто Босфорский мост! – Девушка не смогла не ударить его в грудь, а он рассмеялся и закатил глаза.

– Ну что такого? Разве нельзя мечтать? – Хотя он никогда не стеснялся говорить правду, Мустафа не хотел расстраивать подругу. Выдохнув, он улыбнулся и сказал Нисе то, что думал, вместо того чтобы тешить ее ложными надеждами.

– Не стоит мечтать впустую. – Снова заключив ее в объятия, он погладил ее волосы и положил голову подруги себе на плечо.

– Девочки, я вас так люблю, – тихо пробормотал он, и они обе внимательно посмотрели на Мустафу в ответ на признание, которое их неожиданно зацепило.

– Мы тоже тебя любим, господин Всезнайка, – спокойно ответила Мустафе Сенем. Ниса же сразу поняла, что что-то

не так. Она знала, что Мустафа любит и ценит их, но он никогда не выражал это так явно. В ее сердце поселилось волнение. Хотя ей не хотелось поднимать эту тему и беспокоить кого-либо, она перевела взгляд на темно-карие глаза Мустафы, пошевелила губами и тихо спросила:

– Что происходит?

Вместо ответа Мустафа лишь пожал плечами. Как бы Ниса ни хотела поговорить, она понимала, что сейчас не время и не место. Она не хотела затягивать с этим, но и отпускать Мустафу не собиралась. Юноша крепко обнял молодых девушек. Из-за того, что должно было произойти дальше, возможно, он никогда больше не увидел бы подруг. Даже мысль об этом вызывала боль в сердце.

Трое друзей наблюдали за красотой фейерверков и даже не подозревали, что произойдет через несколько месяцев. Их надежды рухнут, мечты разобьются, и, быть может, они окажутся вдали друг от друга. Но пока они существовали только для того, чтобы жить в настоящем моменте. Они не думали о будущем. Они подумают о нем завтра.

Глава 1

Январь 2016 г.

Проливной дождь все усиливался. Он шел так быстро, что окружающие деревья и фонари, казалось, вот-вот могли раствориться.

Я не могла оторваться от окна и испуганно смотрела сквозь решетку. Каждый раз, когда вспыхивала молния, сердце замирало. Как будто я смотрела на самую причину молнии. Может быть, я даже восхищалась ею и шумом дождя, но его сила вызывала совсем другие мысли.

Мне казалось, что молния – это сообщение от мамы. Что, может быть, однажды она вернется.

Надежда, в которую я куталась, как в одеяло, пока ждала маму, поддерживала меня всякий раз, когда я, засыпая, плакала от того, что ее нет рядом.

– Мама придет, – утешала я себя.

Однажды мама придет и заберет меня.

Но наступит ли этот день на самом деле?

В течение нескольких минут, часов, все, что я могла делать – это смотреть, как разлетаются капли дождя, пока другие дети рисовали в общей комнате.

Передо мной все это время лежал чистый лист, и я никак не могла придумать, что бы такого нарисовать.

Что я вообще могу нарисовать? Улыбающихся людей? Или их разноцветные вымышленные дома? Может быть, нарисовать маму?

Я представляла ее с длинными каштановыми волосами и маленькими карими глазами.

Я взяла коричневый карандаш, но тут же положила на место, потому что, как бы мне ни хотелось, я не могла этого сделать. Не могла. Мне пришлось обхватить себя руками.

Я откинулась на спинку красного деревянного стула. Я не собиралась ничего делать.

Меня устраивало просто сидеть и ждать, пока пройдет время рисования.

Когда я продолжила молча наблюдать за окружающей обстановкой, мой взгляд снова упал на дождь и сосредоточился на каплях. Влага, проникающая в окно сквозь деревья, как будто попадала мне на щеки. Я не хотела, чтобы кто-то видел, как я плачу.

Я быстро вытерла щеку рукавом кардигана.

Мое внимание привлек маленький воробей. Отчаянно пытаясь спастись от дождя, он дрожал на подоконнике. Возможно, он был голоден, ведь за весь день в такую погоду вряд ли он мог найти еду.

Чтобы хоть как-то порадовать воробья, я взяла одно из печений, которые госпожа Севда оставила на столе, и разда-

вила его в ладонях. Когда я встала с места в надежде отдать крошки воробью, тот уже собрался улетать. Я не успела: он взлетел и исчез в одно мгновение. Не в силах сопротивляться ветру, его маленькое тельце понеслось к облакам. Он был так же одинок, как и я, оставленная матерью.

Я снова села в кресло и продолжила смотреть на чистый лист бумаги перед собой. Мое настроение еще больше испортилось. Я не могла рисовать. Не могла нарисовать ложное счастье. Когда я посмотрела на окно с надеждой, что воробей вернулся, то не смогла сдержать слез и тихо заплакала. Я хотела сглотнуть, но что-то застряло в горле. Хотела зарыдать, но сдержалась, чтобы не услышали другие дети. Я должна была найти госпожу Севду. Я хотела пойти в свою комнату. Мне было больно находиться здесь.

Когда я заметила госпожу Севду, то увидела, что она не одна. Рядом с ней стояла незнакомая женщина с длинными темными волосами и смотрела прямо на меня. Сначала я подумала, что она смотрит на других детей, но, когда снова встретилась с ней взглядом, поняла, что это не так. Улыбка исчезла с лица госпожи Севды, а я уставилась на эту женщину. Ее глаза выглядели заплаканными, как и мои. Женщина улыбнулась мне, и я ответила улыбкой. Я почему-то посчитала ее очень красивой. На самом деле я прекрасно знала почему. Это чужое лицо вдруг показалось мне знакомым. Оно как будто напомнило мне о чем-то. Женщина выглядела как человек, которого я никогда не забуду, которого никогда

не сотру из памяти. Когда я была маленькой, госпожа Севда положила мне под подушку фотографию. Я прятала эту карточку с рваными краями от всех, даже от Сенем. Женщина, которая сейчас стояла передо мной и смотрела на меня влажными глазами, была той самой женщиной с фотографии. Ее маленькие глаза, длинные темные волосы и тоскующий взгляд... Они могли принадлежать только одному человеку – моей маме. Та фотография, которую я брала в руки и целовала каждый раз, когда скучала по маме, наконец-то ожила. На этот раз она действительно смотрела на меня и улыбалась. Дети чувствуют такое, не так ли? Я почувствовала это. Я почувствовала, что пришла моя мать, потому что чистая любовь во мне была достаточно велика, чтобы легко узнать женщину, которая носила меня в своем животе столько месяцев и ушла, ничего не сказав.

Госпожа Севда что-то прошептала ей на ухо и кивнула, отводя от меня взгляд. Я поняла, что не готова к такому раннему прощанию, когда женщина отошла от порога гостиной.

Быстро встав со стула и пустившись бежать, я не обратила внимания на дежурного учителя, стоявшего позади. Оказавшись в темном коридоре, я увидела ее: она стояла прямо перед дверью в сад. Она была там. Когда госпожа Севда крикнула: «Уходите, пока не усложнили ситуацию!», – она в последний раз обернулась и посмотрела на меня. Когда она ответила: «Позаботься о ней, Севда», – я не смогла больше сдерживать себя. И быстрее помчалась к другому концу ко-

ридора. Я хотела взять ее за руку, обнять, вдохнуть ее запах. Я должна была почувствовать ее запах внутри себя хотя бы раз... хотя бы раз...

Когда госпожа Севда увидела, что я бегу, ей пришлось быстро подойти ко мне и взять меня на руки, чтобы остановить. Я боролась, кричала, умоляла ее отпустить меня. Я нуждалась в этом. Нуждалась в том, чтобы обнять маму.

– Отпусти меня! – Мой крик заполнил коридор, и остальные дети, находившиеся в гостиной, вышли. Я кричала, рыдала, даже ударила госпожу Севду, когда она взяла меня на руки, но ничто не заставило ее отпустить меня. Мама просто стояла в дверях. Я хотела вырваться из объятий госпожи Севды и побежать к ней, но она ушла прежде, чем я успела.

– Она ушла, Ниса, – прошептала мне на ухо госпожа Севда, – она ушла. Ну же, девочка, ну, милая. Пойдем, я отведу тебя в твою комнату.

Я покачала головой, как бы говоря «нет», и закричала еще громче. Казалось, что крик заставит ее вернуться.

– Нет, она не ушла. Отпусти меня! Она моя мама! Отпусти меня! – Горло словно разрывалось, но это было бесполезно. – Она моя мама! Мамочка! Мамочка! Мама! Мама, пожалуйста, вернись! Мама, пожалуйста, вернись!

Я плакала. Я кричала. Мама не вернулась. Она просто оставила меня посреди темного коридора и ушла. Это был первый и последний раз, когда я видела ее.

– Ниса? Ниса?

Кто-то тряс меня и бил по лицу, и я открыла глаза. Мне пришлось несколько раз моргнуть, потому что тусклый свет лампы на потолке слепил меня. Вся липкая от пота, все еще под влиянием только что увиденного сна, я сбросила толстое одеяло и прислонилась к спинке кровати. Сенем, обеспокоенная моим состоянием, протянула мне стакан воды.

Это всегда происходило одинаково. Я просыпалась от кошмаров, а Сенем из-за моих криков. Хотя я ненавидела себя за то, что заставляла ее проходить через это, она ни разу не пожаловалась. Наоборот, она всегда была рядом.

Я пыталась успокоить сбившееся дыхание, пока пила воду. Как будто кто-то сжимал мое горло. Когда я немного ото двинулась и освободила на кровати место для Сенем, она тут же села рядом и забрала стакан.

– Снова тот же сон? – спросила она дрожащим голосом, поставив пустой стакан на журнальный столик. Когда я кивнула, она взяла меня за руку и притянула к себе. Один и тот же сон снился мне снова и снова. Особенно часто в последнее время. Слабое воспоминание, от которого я не могла избавиться годами.

– Я как будто заново переживаю тот день, Сенем. Я вижу ее лицо несколько секунд во сне, но потом, когда я открываю глаза, оно исчезает и я забываю. Это ужасно...

Пока ком в горле давил все сильнее, Сенем пыталась облегчить мою боль, поглаживая меня по волосам. Она никогда не уставала утешать меня. Вставала посреди ночи и часа-

ми успокаивала. Поскольку сейчас это происходило все чаще, она почти не спала. Несмотря на то, что я чувствовала себя виноватой, от ее нежности мне становилось легче. Это заставляло меня забыть об отсутствии матери. Сенем была не только моей соседкой по комнате, но и моим единственным другом. Кто-то другой, возможно, даже не беспокоился бы обо мне, но Сенем с каждым разом волновалась все больше и больше. Она боялась, что эти сны станут преследовать меня и заставят потерять рассудок.

– Это пройдет. Поверь, вся боль закончится. Сейчас воспоминания ранят и причиняют боль, но однажды это обязательно пройдет. Когда мы возьмем нашу жизнь в свои руки и оставим все позади, от них не останется и следа.

Ей удалось заставить меня улыбнуться. Каждый раз, когда я расстраивалась, она напоминала мне о наших диких, безумных мечтах и возрождала мои пустые надежды.

Надежды на то, как мы поступим в университет, уйдем из детского дома, построим свой собственный мир и будем жить вместе, как сестры. Даже если это было немного наивно, только мы могли определить наше будущее. Так мы с Сенем думали. Когда она поняла, что я улыбаюсь, подруга отодвинулась от меня и встала со своего места. Теперь мне стало легче: ее присутствие успокоило меня. Когда она поцеловала меня в щеку и направилась к своей кровати, я положила голову на подушку, но спать уже не хотелось. Ощущение холодных слез на щеках заставило меня вздрогнуть. Всякий

раз, когда мне снился один и тот же сон, я долго не могла от него оправиться. Сон, который длился всего несколько секунд, опустошал меня. Видеть во сне мать всегда было очень больно. Моя мама, чье лицо я даже не могла вспомнить...

Когда Сенем легла в свою кровать у окна, на ее лице сияла непонятная улыбка. Она улыбалась мне, гася настольную лампу, и ее глаза искрились. Когда я видела ее такой, все плохие чувства и страхи внутри меня исчезали. Она действительно была не просто соседкой по комнате. Она была моей сестрой, моим другом, моей родственной душой.

– Знаешь что? У меня странное чувство. Как будто добрый волшебник взмахнет над нами волшебной палочкой и мы вдруг окажемся в сказке, – пробормотала она, и я подумала, что иногда она слишком фантазирует. Мы провели здесь уже много лет, а к нам ни разу не приехал ни один родственник. У меня не было особой надежды, что волшебник когда-нибудь появится.

– Ты слишком много мечтаешь.

Не обратив внимания на то, что я посмеялась над ней, Сенем хихикнула, натянула одеяло на голову и повернулась ко мне спиной.

Когда через несколько минут я услышала ее ровное дыхание, то с облегчением сбросила с себя одеяло. Сенем засыпала сразу, но я не могла спокойно уснуть, особенно после этого злополучного сна... Посмотрев на будильник на столе, я увидела, что сейчас только половина пятого утра. Даже ес-

ли бы это был последний учебный день, я не смогла бы пойти на учебу в таком состоянии. Я не слишком переживала о своей внешности, но выглядеть следовало опрятно. Поэтому я предпочла встать и принять душ вместо того, чтобы снова попытаться заснуть.

Достав два полотенца из четырехстворчатого шкафа в нашей маленькой комнате, я направилась в ванную. К счастью, в большинстве комнат в приюте были отдельные ванны. Дети и молодые девушки, в комнатах которых их не было, пользовались ванными других. Эта роскошь – проявление заботы, которую оказывала нам госпожа Севда.

Зайдя в ванную комнату и повесив полотенца на вешалки за дверь, я встала под теплую воду. Это помогло мне почувствовать некоторое облегчение. Когда я прислонилась к холодной плитке и закрыла глаза, остатки сна снова ожили перед глазами – холодный, темный коридор и маленькая девочка, от крика которой замерло все вокруг...

Сколько бы времени ни проходило, я не могла забыть о том ужасном дне. Отпустить это смутное воспоминание, как мать оставила меня наедине с моей болью. Тогда мне было всего пять лет. Из-за этого я как будто навсегда осталась в том времени, но следовало прекращать надеяться, что мама придет. Она бросила меня. Просто исчезла и осталась в памяти плохим воспоминанием. Многие удивлялись моей уверенности в том, что женщина, которую я видела всего несколько минут, моя мама, но они не знали, сколько раз

я целовала ту фотографию под подушкой в течение многих лет, сколько раз обнимала ее. Кроме того, дети могут чувствовать такое, их сердца чище и светлее, чем у кого-либо другого.

Все началось в тот день, когда госпожа Севда сказала:

– Я приготовила и принесла твое любимое печенье.

Весь день я наблюдала за каплями дождя, падающими на подоконник, но, когда услышала ее шаги в коридоре, сразу же забралась в кровать. Она взяла меня на руки и отнесла в гостиную, не обращая внимания на мою борьбу и сопротивление. Я не хотела выходить из комнаты до прихода мамы, но госпожа Севда каким-то образом нашла способ обмануть меня. Она стала моим первым другом и доверенным лицом в этом большом доме. В отличие от других детей и моих сверстников, госпожа Севда занимала особое место в моей жизни. С самого детства она не переставала заботиться обо мне. Когда я болела, она сидела у моей кровати часами, а когда у меня возникали проблемы, она сразу же приходила на помощь. Я в неоплатном долгу перед ней. Госпожа Севда стала родной не только для меня, но и для всех маленьких детей, которые ощутили вкус одиночества в этом большом доме. Она не была одним из тех плохих директоров детских домов, которых мы видим в сериалах и фильмах. Напротив, она была замечательной матерью с огромным сердцем, и она работала день и ночь, чтобы сделать десятки детей чуточку счастливее. Мать этого большого дома...

Конечно, гостиная, куда я спустилась за печеньем, вызвала у меня не только воспоминания о матери. Там я встретила своего единственного друга. Сенем, или Сенем Тойгур, как указано в ее удостоверении личности. Маленькую девочку, которая своим появлением оживила мое сердце.

Я впервые увидела ее в гостиной в тот день, когда приехала моя мама. Ее светлые волосы растрепались, и Сенем странно осмотрела все вокруг своими зелеными глазами, прежде чем попыталась заполнить лежащий перед ней чистый лист бумаги для рисования. Когда после ухода матери кричащую меня затащили в комнату, я и не подозревала, что она придет ко мне. Оказалось, что Сенем – новый ребенок, приехавший в приют. Пока госпожа Севда пыталась удержать меня, госпожа Эльчин, другая сотрудница приюта, отдала Сенем единственную свободную кровать в комнате. Госпожа Эльчин была заместителем директора, мы знали ее с детства, но в последнее время она и госпожа Севда не ладили друг с другом до такой степени, что это привело к ее скорому уходу из детского дома.

Пока Сенем не поселилась в моей комнате, я не могла ни с кем как следует подружиться. Обычно все жаловались на мое молчание и хотели переехать в другую комнату. Они убегали от меня. Я не позволяла кому-то приближаться ко мне, но в первый день, когда Сенем разрушила все границы и пришла ко мне в комнату, она сделала то, чего не делал никто другой, – вытерла мои слезы своими маленькими ручками.

– Не плачь, я буду твоим другом, – сказала она, протягивая руку.

Тогда я впервые почувствовала, что могу кому-то доверять. Эти зеленые глаза, сияющие искренностью, показались мне надежнее других, и я поняла, что она никогда не оставит меня.

– Обещаешь? – спросила я ее, словно желая убедиться. Страх, что Сенем убежит, если я отпущу ее руку, охватил мое тело. Может быть, она не понимала этого, но именно тогда, когда я нуждалась в поддержке, она вошла в мой мир, как солнце.

– Я обещаю, – ответила Сенем без колебаний и сомнений. Мы пообещали не покидать друг друга, быть плечом, на которое можно опереться в любой трудной ситуации, оставаться друзьями и сестрами, пока судьба не разлучит нас, и это обещание стало своего рода клятвой.

Сенем потеряла родителей в автокатастрофе и постоянно винила себя в этом несчастном случае. По ее словам, если бы она не отвлекала родителей, всего этого не случилось бы. Но мы не можем предотвратить судьбу или изменить то, что предначертано. Сенем не могла изменить это. Прошло время, но никто из родственников не захотел удочерить ее. Все они оправдывали себя и говорили, что не могут нести ответственность за еще одного ребенка. Не зря считают, что родственники подобны скорпионам. Они отказались принять ее, свою кровь. Самое страшное наше несчастье в жизни, навер-

ное, в том, что мы не можем выбирать свои семьи.

Когда я снова вошла в комнату, то поняла, что не зря потратила много времени на школьную форму Сенем. Она стояла перед зеркалом, прикрепленным к шкафу, и перебирала свои светлые волосы, которые я выпрямила ей вчера вечером. Несколько месяцев назад мы вместе купили стайлер для выпрямления волос на сэкономленные деньги: Сенем очень хотела его. Она была красавицей. Я же не особо интересовалась своей внешностью и обычно ходила в школу с наспех собранными волосами.

Я надела школьную форму, не мешая Сенем, и заняла место перед зеркалом. Высушив влажные волосы полотенцем, завязала их на макушке. Пока я надевала теплую куртку, Сенем тоже занялась своими волосами. Как и я, она надела куртку и закинула сумку на плечо. Мы были почти готовы к полугодовому экзамену. Когда мы оказались перед дверью, готовые выйти в коридор, я заметила, что Сенем взволнована как никогда.

Государственная средняя школа, которую мы посещали, была связана с детским домом. Госпожа Севда отправляла большинство наших сверстников в одну и ту же школу и старалась воспользоваться теми возможностями, которые предоставляло нам государство. Мы с Сенем учились в одиннадцатом классе, но, к сожалению, в разных группах. Я хотела учиться в университете и выбрала математическое направление, более близкое мне. Сначала Сенем тоже хотела

выбрать эту специальность, чтобы мы учились вместе, но позже, когда поняла, что ей действительно придется трудно, она отказалась от этой идеи и предпочла гуманитарное направление. Я не жаловалась и не сердилась на нее, ведь мы не договаривались о том, чтобы всегда быть рядом. Хотя мы еще не планировали поступать в университет, госпожа Севда сказала нам, что постарается организовать для нас специальные стипендии и договориться насчет общежития, когда мы перейдем на старший курс. О комфорте мы не слишком задумывались.

Когда мы шли по коридору, Тугче, одна из моих одноклассниц, вышла из своей комнаты. Она, хотя и выросла в детском доме, была очень угрюмой и дерзкой девочкой. По какой-то причине она не очень любила нас с Сенем. Многие в детском доме говорили, что она завидует нашей дружбе, но нас это мало волновало, потому что мы не придавали значения, что думают другие.

Когда мы подошли к лестнице на этаже, я сразу же взяла Сенем за руку: в детстве у меня появилась странная фобия – я стала бояться лестниц. Вернее, упасть с лестницы.

В детстве я очень любила сказку «Красавица и Чудовище», которую госпожа Севда купила, когда мне было девять лет. Я любила ее так сильно, что не выпускала из рук и таскала с собой, куда бы ни пошла. Но однажды так увлеклась чтением книги, что не заметила последнюю ступеньку при спуске по лестнице и упала. Так у меня появилась фобия. Ес-

ли я не держалась за что-то или за человека рядом со мной, лестничные ступеньки представлялись мне чем-то ужасным. Они казались мне косыми и кривыми, в то время как на самом деле оставались абсолютно ровными. Когда я смотрела на них, они плясали и расплывались у меня перед глазами. Я знаю, что это довольно нелепо. Кто может бояться лестниц? Но я боялась. Мне было нужно, чтобы кто-то помог мне спуститься, и Сенем знала о моем страхе, поэтому не издала ни звука.

Когда мы спустились на первый этаж и направились к двери, нас отвлек звук каблуков, донесшийся сзади, и мы с Сенем повернули головы и посмотрели в другой конец коридора. Госпожа Севда шла к нам в элегантном наряде. Ее светло-каштановые волосы были собраны в пучок. Она выглядела очень официально, и этому могло быть только одно объяснение.

– Вы собираетесь получить табели успеваемости? – Когда она подошла к нам и очень ласково задала свой вопрос, мы кивнули. Она несколько минут смотрела на нас, и я почувствовала ее беспокойство. Я не думала, что это что-то плохое, потому что знала, что могло так озаботить ее.

– Дети, сегодня придет пара, которая каждый месяц жертвует средства на наш детский дом. Я не уверена, но думаю, что они хотят усыновить ребенка. Я прошу вас...

Беспокойство госпожи Севды читалось в ее голосе, и она переживала именно по той причине, о которой я догадыва-

лась. Всякий раз, когда сюда приходила семья, желающая усыновить ребенка, госпожа Севда волновалась и очень переживала. Она очень любила всех своих подопечных, и ей каждый раз было трудно прощаться с теми, кто уезжал. Но она всегда старалась устроить детей в семьи, даже тех, к которым была привязана, ведь считала, что ребенок не должен расти без матери или отца. Возможно, я полюбила ее именно из-за этого.

– Не волнуйтесь, госпожа Севда. Нас не увидят, – пробормотала Сенем, и я кивнула. Именно этого мы и желали. Госпожа Севда знала нас и знала о наших безумных мечтах. Поэтому она не стала пытаться сделать так, чтобы нас удочерили, ведь мы сами этого не хотели. Когда люди приходили посмотреть на детей, мы исчезали. К тому же, мы были старше, чем другие ребята. Кто захочет удочерить семнадцатилетнюю девушку и взять на себя такую ответственность?

– Ладно, тогда возвращайтесь с хорошими отметками.

Я снова взяла Сенем за руку. Госпожа Севда поправила юбку-карандаш и ушла. Она никогда не умела скрывать волнение. Например, выдавала себя, постоянно поправляя одежду.

Когда мы вышли в сад и под дождем направились к ожидавшему школьному автобусу, Мустафа вышел из корпуса общежития, где жили мальчишки. Из-за того, что в нашем детском доме действовала раздельная система пребывания, госпоже Севде приходилось управлять двумя корпусами. По-

этому внезапный отъезд госпожи Эльчин добавил ей хлопот. Перед нами появился Мустафа. Он жил в корпусе для мальчиков, наш господин Всезнайка. Наш друг, который странным образом умудрился подружиться с нами обеими. Я никогда не забуду этого – когда мы были детьми, он избил мальчика своего возраста только за то, что тот не давал Се-нем играть в мяч, а потом забрал его у него и мы играли втроем. С тех пор мы никогда не расставались. Иногда Мустафа казался слишком напористым, иногда немного неуравновешенным, а иногда загадочным. Но, несмотря ни на что, мне было спокойно от того, что он с нами. Он вел себя так, будто знал все вокруг. Как старший брат, рожденный от другой матери.

В июне следующего года ему исполнялось девятнадцать, но он все равно решил остаться в детском доме. Ему повезло, что в общежитии нашлось место и госпожа Севда разрешила ему остаться там до университетского времени.

Мустафа достал из кармана пачку сигарет и взял одну из них. Хотя я часто умоляла его отказаться от этой привычки, это ничего не дало. Он никогда не слушал меня, а в последние несколько недель его поведение стало совсем странным.

После той прекрасной новогодней ночи, которую мы провели вместе, в Мустафе произошла перемена. Он стал более холодным и жестким, чем когда-либо раньше. Как будто построил между нами и собой большую стену и делал все возможное, чтобы не дать нам перепрыгнуть через нее. Когда

мы подошли к школьному автобусу, я поняла, что он снова не надел школьную форму и не взял с собой сумку. Юноша не планировал посещать школу. Куда он направлялся? Что делал? С кем тусовался? Я не знала ответов на эти вопросы, но его теперешнее поведение пугало меня. Я не хотела, чтобы Мустафа попал в плохую компанию, но всякий раз, когда пыталась поговорить об этом, он каким-то образом заставлял меня замолчать. Иногда мне было трудно его понять. Мустафа действительно был очень сложным человеком, но в глубине души я понимала, что он тоже ранен. Впрочем, нашелся бы в этом большом общежитии кто-то, кого не ранили? Сомневаюсь.

– Доброе утро. – Мне не нравился холод между нами, и я хотела разрушить его, но Мустафа только кивнул. Все шло не так, как должно было. Обычно Сенем находила что-то, что забавляло Мустафу, а я пыталась наладить с ним отношения, но сегодня утром этого не произошло. Эта перемена мне не нравилась и наталкивала на грустные мысли. Когда Сенем зашла в школьный автобус и стала ждать меня у порога, я не смогла промолчать и спросила Мустафу:

– Ты не едешь?

– Нет.

Его тона оказалось достаточно, чтобы разозлить меня. Теперь он должен был объясниться. Должен был рассказать мне, куда он ходил и что делал в течение последних дней. Если у него возникли проблемы, он должен был сказать мне

об этом. Мустафа не смог бы найти решение ни одной проблемы, держа ее в себе.

– Ради бога, что ты делаешь целый день один, когда не приходишь в школу? Мустафа, послушай, если есть что-то, что мы должны знать, скажи нам. Может быть, мы сможем тебе помочь.

Я с отчаянием умоляла его рассказать нам обо всем, но он лишь отвел глаза и застегнул куртку. Что такого плохого мог сделать этот мальчик, чтобы не найти в себе мужество посмотреть мне в глаза?

– Не твое дело, Ниса. Не лезь в это. Пока.

Когда он повернулся и пошел к автобусной остановке вместо того, чтобы сесть к нам, я некоторое время продолжала смотреть ему вслед. Впервые он обошелся со мной так грубо. Обычно он говорил: «Не приставай ко мне, у меня плохое настроение», – и смеялся надо мной, но в этот раз что-то было не так. Однако, ему следовало бы действовать более рационально. По крайней мере, ему стоило бы вести себя благоразумно ради госпожи Севды. Ее недавние проблемы должны были заставить его стать ответственным. Она очень старалась для него, но Мустафе было наплевать.

– Пойдем, – сказала Сенем. Она схватила меня за руку и потянула к автобусу, я сдалась и села. Знала, что продолжу думать о Мустафе, но сейчас мне нужно было ехать в школу, чтобы получить свой табель. Я подумала, что прогулы однажды отразятся на успеваемости Мустафы, но мне хотелось,

чтобы этого не произошло.

Церемония вручения табелей в школе прошла хорошо, несмотря на то что Ахмет по прозвищу «Большие Уши», обладатель действительно огромных ушей, придирался ко мне весь день как на уроках, так и на переменах. Ахмет учился в моем классе и надоедал мне с первых дней в средней школе. Хотя он был жизнерадостным, обладал хорошим чувством юмора и мы хорошо общались, мне частенько приходилось отказываться от его предложений встречаться, потому что я считала любовь самым святым чувством в мире. Я верила, что она похожа на сказку, которая заманивает тебя и открывает двери в совершенно другой мир. Человек передо мной должен был заставить меня трепетать. Вот почему меня не привлекали простые приглашения на свидания. Да и куда бы мы пошли? На лестницу или в лифт? Предложения Ахмета звучали нелепо.

Хотя мне уже исполнилось семнадцать, я никогда ни к кому не испытывала особых чувств, если не считать актеров, которые мне очень нравились. Среди моих сверстников пользовались популярностью знаменитости, которые мне нравились и которыми я восхищалась. Например, я испытывала очень сильные чувства к Джейми Дорнану¹ и была огорчена тем, что он женат и имеет детей. Иногда я смотрела на его фотографии и напевала песню Йылдыза Тильбе «Но ты женат, ты не мой». Возможно, я мечтала о Джейми

¹ Джейми Дорнан – британский актер, модель и музыкант.

Дорнани, но только судьба могла определить, кто займет мое сердце.

Несмотря на то что Сенем насмехалась надо мной и пилила меня при каждом удобном случае из-за этой проблемы с Ахметом, Мустафе всегда удавалось заставить ее замолчать. Он не разрешал нам подшучивать друг над другом. Что я могу сказать? Мустафа просто был собой и всегда защищал нас.

Сенем, конечно, была не единственным моим другом. Хотя в начальной школе меня постоянно травили из-за того, что я сирота, в старших классах все сложилось по-другому. Люди здесь оказались более искренними. За эти три года я ни разу не испытала чувство одиночества, потому что мои друзья значили для меня больше, чем моя семья.

После того как мы получили табели, мне пришлось терпеть нытье Сенем на обратном пути в приют: она впервые в жизни не получила похвальную грамоту, и ей стало немного грустно. Под «немного» я подразумеваю то, что она постоянно ругалась на своего учителя математики.

– Клянусь, эта стервозная женщина специально поставила мне такую отметку. Посмотри на это, Ниса! Я официально заявляю, что мне занизили балл. Что такое восемьдесят три?

Ругая своего учителя, она трясла табелем перед моими глазами.

Когда дождь, начавшийся с утра, усилился, мне пришлось взять Сенем за руку и потащить ее к детскому дому. Если бы

это зависело от нее, она бы, не задумываясь, весь день ругалась на учителя математики под дождем, но я знала: если подруга продолжит мокнуть, то проведет каникулы на больничной койке.

Я не смогла удержаться от смеха, когда Сенем бросила сумку на землю и попыталась поправить мокрые волосы. Я могла бы немного похвастаться, потому что получила табель с похвальной грамотой. Но этого оказалось бы достаточно, чтобы еще больше разозлить ее.

– Откуда взялся этот дождь? Он портит каникулы.

Я не могла не согласиться с ней. На этот раз дождь пришелся действительно некстати. Мы строили много планов, хотели провести каникулы в саду, но в таком холоде это оказалось невозможным. Дождь не предвещал ничего хорошего.

– Сейчас конец января, Сенем. Это нормально. – Я попыталась немного подбодрить ее, но мне не очень удалось.

– Ты права, но я все равно ненавижу, когда холодно и сыро.

– Сказала Белла Свон².

Подруга прищурила глаза и фальшиво нахмурилась, когда я посмеялась над ней. Сенем ненавидела зиму, ее порой было лето. Когда наступали летние месяцы, никто не мог загнать ее в приют. Сенем целыми днями бегала по саду или возилась с детьми. А еще она обожала «Сумерки». Подруга почти заставила госпожу Севду купить все книги и филь-

² Белла Свон – главная героиня саги «Сумерки» авторства Стефани Майер.

мы. Я все еще ухмылялась, вспоминая ее бредни, ведь она придумывала невероятные вещи. Но должна признать, что благодаря Сенем мы провели много замечательных вечеров в кино. Поэтому я не могла жаловаться, и, хотя временами от этих разговоров о книгах и фильмах у меня пухла голова, я терпела, потому что мы были по-настоящему близки.

– Просто заткнись! Мне стыдно, что я получила этот документ, а ты надо мной смеешься. Позор, позор!

Когда она развернулась и пошла по коридору, не обращая внимания на раздражающий звук своих мокрых ботинок, я побежала за ней и обняла Сенем за плечи. Мне нравилось поддевать ее, особенно когда она была в таком настроении, как сейчас.

– Но это так, милая. Бледная кожа, зеленые глаза. Ты ненавидишь все мокрое. Ты блондинка. Моя глупая блондинка.

Когда я стояла перед ней и сжимала ее щеки, она медленно била по моим рукам и улыбалась. Она не выдержала, когда я заговорила так ласково, сразу смягчилась, но не забыла посмеяться надо мной в ответ.

– По крайней мере, я не смотрю на фотографии женатых мужчин и не вздыхаю. Вы грустите по Джейми Дорнану, но что насчет Мэтта Бомера³? Как такой парень может быть ге-ем? Интересно, задумывался ли он об этом? Он просто ошеломляет!

³ Мэтт Бомер – американский актер, продюсер, режиссер и певец. Известен своими ролями в успешных независимых фильмах и сериалах.

Пусть мы росли в детском доме, но, конечно, знали о том, что происходит в мире. В том числе об актерах, за которыми мы следили и которыми восхищались.

Я бы с удовольствием начала наши обычные разговоры с Сенем, но не с таких криков в коридоре. Поэтому пришлось зажать ей рот рукой: мы находились на втором этаже, и маленькие дети могли выйти из своих комнат и стать свидетелями нашей беседы.

– Говори тише. Ты кричишь, нам будет стыдно перед малышами, – сказала я и, когда Сенем кивнула, как бы показывая, что теперь замолчит, убрала руку от ее рта.

По звуку каблуков, раздававшемуся в коридоре, я поняла, что мы могли смутить не только детей, но и кого-то другого. Теперь мы попались. На этот раз госпожа Севда определенно собиралась надрать нам задницы. Когда очень вежливый женский голос окликнул нас, мы с Сенем повернули головы в одном направлении.

– Подождите минутку, вы можете подойти?

Обернувшись на звук, мы увидели, что к нам идет женщина средних лет. У нее были темные волосы до плеч и светло-карие глаза. Ее одежда говорила о том, что она состоятельна. Женщина, по возрасту близкая к госпоже Севде, остановилась перед нами и искренне улыбнулась. Когда мы с Сенем встретились взглядами, то просто улыбнулись друг другу, не зная, что делать. Когда Сенем ткнула меня в руку, я лишь пожала плечами и перевела взгляд на женщину. Она

выглядела очень мило.

– Здравствуйте, – вежливо произнесла она, глядя прямо на Сенем. Она смотрела так внимательно, что у меня внутри все сжалось. Может ли эта женщина быть одной из тех родственниц, которые не забрали когда-то Сенем? – Как тебя зовут?

Когда женщина, не замечая меня, сделала шаг к подруге, улыбка на ее лице стала шире. Не знаю почему, но я почувствовала грусть в улыбке этой женщины. Когда Сенем повернулась ко мне, будто спрашивая: «Что мне теперь делать?», – я покачала головой, показывая, что проблемы нет, и предлагая ей ответить.

– Сенем, – сказала она.

Когда женщина подошла чуть ближе и погладила мокрые от дождя волосы Сенем, я напряглась. Я не могла не напрячься. Близость этой женщины действовала мне на нервы.

– Ты такая красивая.

Когда женщина убрала прядь волос, упавшую Сенем на глаза, ей за ухо, подруга вдруг отпрянула назад и спряталась за мою спину. Я не поняла, почему она так отреагировала, но это заставило женщину обратить на меня внимание. Не только Сенем отступила. Смутившись, женщина тоже отошла назад и посмотрела на нас обеих.

Я почувствовала некоторое облегчение, когда госпожа Севда подошла к нам с несколькими папками в руках. Может быть, подумала я, она сможет объяснить нам, кто эта жен-

щина. Но я заметила еще кое-что. Госпожа Севда выглядела более обеспокоенной, чем обычно. Она казалась еще более испуганной. Я не помнила, чтобы когда-нибудь видела ее такой. Чувство, которое она испытывала, казалось сложным, за этим беспокойством скрывалось что-то еще.

– Госпожа Эсма, а я вас везде ищу. Куда исчез господин Деврим?

Так мы узнали, что эту элегантную женщину зовут Эсма, а мужчина, которого госпожа Севда назвала господином Девримом, скорее всего, ее муж. Пока мы с Сенем продолжали бросать друг на друга непонимающие взгляды, глаза госпожи Севды говорили нам, что нужно немедленно убираться отсюда.

– Деврим пошел в туалет.

Женщина по имени Эсма заговорила более официально, нежели минуту назад. Однако с Сенем она была очень вежлива.

– Почему этих девочек не было с другими детьми, госпожа Севда?

Когда я широко раскрыла рот, Сенем потянула меня за руку. Но я не собиралась уходить. Я хотела знать, кто эта женщина и что она хочет от нас. Опустив плечи, госпожа Севда посмотрела на меня, а затем на Сенем. Я впервые видела ее такой измученной и хрупкой. Казалось, она упадет, если к ней прикоснуться.

– Они были в школе. Их нельзя удочерить.

Госпожа Севда дала свое объяснение тоном, близким к тону посетительницы. Чаще всего она старалась вести себя вежливо, но в этот раз все было иначе. Госпожа Эсма с любопытством подняла брови, ее зрачки расширились. Я понимала, что эта ситуация кажется ей странной, потому что чаще всего никому нет дела до детей в приюте. Но госпожа Севда не походила на других. Она старалась понять нас и, когда было необходимо, помогала нам и подсказывала. Она уже много лет знала, что мы не хотим, чтобы нас отдали удочерили, и действовала соответственно.

– Почему?

Хотя голос госпожи Эсмы звучал резко, она не выглядела сердитой. Она любила детей, или мне так казалось. Хотя, как мог человек, который до сих пор был лишен материнской любви, сделать такой вывод? Но она правда не казалась плохим человеком.

– Это их собственное желание, госпожа Эсма, – ответила госпожа Севда, посетительница снова посмотрела на нас. Казалось, она что-то ищет, но не может найти. Она вела себя как мать, потерявшая ребенка. Отчаянная и безнадёжная...

– Но... – прошептала она, однако не закончила предложение. Она выглядела такой же удивленной, как и мы.

Мои ноги не двигались, а госпожа Севда продолжала смотреть на меня, намекая, что нам стоит уйти. Пока вокруг царила тишина, Сенем наклонилась к моему уху и сказала, что нам пора уходить, но я все еще не могла сделать ни шагу.

Мне нужно было знать, что происходит. Тишина вдруг стала оглушительной.

– Девочки, идите в свою комнату. Госпожа Эсма, пожалуйста, пройдемте со мной.

Когда госпожа Севда двинулась к своему кабинету, держа за руку посетительницу, она кивком разрешила нам уйти. Я не могла найти в себе силы сдвинуться с места. Как будто застряла там, где стояла.

Когда госпожа Севда вошла в свой кабинет с той женщиной, Сенем подошла ко мне и коснулась моего плеча. Когда я обернулась и посмотрела на нее, она указала на лестницу и сказала, что нам пора. Но я собиралась сделать кое-что другое – что-то, чего никогда раньше не делала.

– Подожди здесь, – прошептала я, бросая сумку на пол и направляясь в другой конец коридора. Хотя Сенем и бросила мне в спину, что я веду себя нелепо, я не собиралась отказываться от своего решения. Ладно, то, что я хотела сделать, это большой проступок, но я должна была выяснить, что происходит, потому что это касалось нас.

Оставив Сенем одну, я подошла к кабинету госпожи Севды и увидела, что дверь приоткрыта.

Это играло мне на руку. Убедившись, что вокруг никого нет, я подошла к двери, чтобы лучше слышать, что говорят внутри.

– Почему вы не показали нам этих девушек, госпожа Севда?

Упрямая женщина. Какова ее цель? Я не могла понять.

– Я же сказала – они не хотят, чтобы их удочерили.

Госпожа Севда говорила с упреком, и я прекрасно понимала, что она не хотела нас выдавать, она защищала наше решение.

– И блондинка тоже?

Я так и знала! Я все поняла по тому, как внимательно эта женщина смотрела на Сенем. Она хотела ее. Хотела забрать моего единственного друга.

– Да, и Сенем тоже.

– Это чушь. Такого закона не существует.

– Мне очень жаль, госпожа Эсма, но, как я уже сказала, этого хотят дети.

– Вы не понимаете, госпожа Севда. Я смотрела на тех маленьких детей, которых вы мне показали, когда мы приехали, и даже пыталась проявить интерес к некоторым из них. Но ни я, ни Деврим не в состоянии заботиться о маленьком ребенке. Мы понимаем это. Мы думали так задолго до того, как приехали сюда, и думаем так сейчас. Что касается тех молодых девушек... Я тайком наблюдала за ними. За тем, как они бегали под дождем, как дразнили друг друга, за их внешностью, поведением... Они настолько невинны, настолько искренни, что это чувство не поддается описанию.

– Ни за что! Не говорите мне, что действительно хотите удочерить Сенем. Я никогда не смогу позволить вам сделать это.

– Почему нет? Вы должны объяснить.

– Сенем и Ниса...

Мне хватило того, что я услышала. Я отошла от двери и посмотрела на пустой коридор.

Как говорится, настоящие друзья подобны звездам, и ты видишь их, когда наступает темнота. Сенем стала таким другом для меня. Она появилась в моей жизни в самый трудный момент и засияла звездой в моей тьме. Она разрушила мое одиночество и согрела душу, как солнце. Мы делились переживаниями, смехом и слезами в течение многих лет, но теперь все могло измениться. Они хотели забрать ее, мою лучшую подругу, мою семью.

Я готовилась потерять ее, как потеряла мать. Сенем должна была ускользнуть из моих рук, но на этот раз я не могла этого вынести, не могла потерять ее. Боль, которую бы я испытала, смогла бы разрушить меня. Хотя я не хотела быть эгоисткой, не могла позволить себе снова почувствовать вкус одиночества.

Когда я тяжелыми шагами направилась к Сенем, меня затошнило и закружилась голова. Не может же это происходить на самом деле? Все это просто шутка. Кто-то должен вскоре выйти и сказать, что это розыгрыш, верно? Но вокруг никого не было. Только Сенем, грызущая ногти от любопытства, и я, скованная страхом. Я не смогла найти в себе смелость взглянуть на нее. Когда я хотела пройти мимо, подруга схватила меня за руку.

– Ниса, что происходит? Что-то случилось? Ты сама не своя.

Я не знала, как отвечать на ее вопросы. Что я могла сказать? Что выбор пал на нее? Когда я снова попыталась пройти мимо, не ответив, она схватила меня за руку и развернула к себе. Мои глаза уже наполнились слезами. Стоит мне заговорить, и они прольются как дождь. Это было неизбежно.

– Я задала тебе вопрос. Говори. Что случилось?

Ее крик эхом отдался в пустом коридоре, я отдернула руку и посмотрела ей в глаза.

– Они хотят забрать тебя, – прошептала я. Голос дрожал, крошечная капля уже стекала по щеке. Я проглотила комок в горле, а ее зеленые глаза расширились от удивления. Мне следовало держаться, но я не могла.

Не дожидаясь ответа, я подняла сумку, которую бросила на пол, и направилась к лестнице, чтобы подняться в нашу комнату. Дойдя до ступенек, я обернулась и посмотрела на Сенем. Она все еще стояла в коридоре. Подруга выглядела очень удивленной. Кто бы не удивился? Нетрудно догадаться, что она не ожидала такого. Пока я поднималась по ступенькам, она побежала в сторону кабинета госпожи Севды. Наверное, там она ожидала найти ответы на свои вопросы.

Когда я поднялась на этаж, сон снова ожил в моем сознании. Когда мать оставила меня в приюте, я была младенцем, крошечным ребенком в пеленках. Вот почему я не знала ни ее запаха, ни формы ее лица, не знала о ней ничего, кроме

того, что видела во сне. Она ушла, оставив меня навсегда. После услышанного мне вновь стало холодно в этих стенах. Как тогда, много лет назад, после ее ухода. Боль леденила мою душу, запертую, словно в тюрьме.

Глава 2

Эти события, произошедшие сразу в начале каникул, казались частью какого-то фильма.

Это было так драматично. Я не могла понять: почему Сенем, когда вокруг так много других детей?

Не могла понять, зачем она нужна им. Разве они не могли выбрать кого-то другого?

И зачем семье удочерять девушку-подростка?

Кто захочет взять такую? Это большая ответственность. И это очень сложно — дать необходимые в подростковом возрасте внимание и заботу. Это просто глупость. Может быть, я размышляла слишком эгоистично, но речь шла о Сенем. Она была моим единственным другом, единственной, на кого я могла опереться.

Конечно, был еще Мустафа, но никто не мог заменить Сенем. Никто не мог стать таким, как она. Даже несмотря на то, что она часто упрекала меня за глупое поведение.

Может быть, у нас возникали разногласия, но наша сильная привязанность казалась неразрывной. Все, кто знал ее, любили Сенем. Она знала, как заставить людей смеяться.

После того, что мы узнали в тот день, мы не разговаривали.

Возможно, если бы мы были младше и это произошло бы, мы бы не переживали так сильно и просто позволили этому

случиться.

Но мы пришли в полное отчаяние, ведь наши общие планы и мечты вдруг оказались под угрозой.

Сенем попыталась заговорить со мной, как только вернулась от госпожи Севды, но я проигнорировала ее и вышла в сад.

Мне нужно было побыть одной. В прошлом году, осенью, мы с Сенем посадили гвоздику в углу сада. Нашу гвоздику. Я подошла к ней, крепко сжимая свою куртку. Мы защищали гвоздику, потому что не хотели, чтобы кто-то к ней приближался. Мы даже огородили ее тонкой проволокой, потому что маленькие дети могли случайно ей навредить.

Хотя я с детства не интересовалась цветами, гвоздику любила как сумасшедшая. Среди множества цветов моими любимыми почему-то стали именно гвоздики. Их запах, казалось, проникал в меня. Казалось, он мог заставить меня забыть все беды и несчастья. Мы с Сенем собирались выращивать ее вместе, обрезать и, когда понадобится, поливать росток. Прошло много времени, но я не видела ни одного цветения, хотя все еще ждала весны.

Я, возможно, увижу, как она зацветет спустя время, но у Сенем уже не будет такого шанса. Она не увидит, как распускаются бутоны. Эти размышления отозвались болью в сердце.

– Ниса, сестренка?

Когда я слышала голос Ханан, то вынырнула из своих

мыслей.

Я даже не знала, что она здесь.

Ханан – двенадцатилетняя дочка госпожи Севды. После школы она часто приходила в приют и проводила время со своими сверстниками. Иногда госпоже Севде было так трудно все успевать. Но она никогда не оставляла свою маленькую девочку и не хотела отпускать ее далеко от себя. Многие дети растут без материнской любви, госпоже Севде не раз приходилось видеть слезы брошенных детей и лишать свою дочь материнского тепла ей не хотелось. Мы не жаловались на такое положение вещей, любили Ханан и играли с ней.

Она даже покупала для меня журналы в канцелярском магазине.

Когда она сказала: «Мама хочет видеть тебя в своем кабинете», – я последовала за ней, ничего не ответив.

Я не очень хотела слушать, что мне скажут, но уважала госпожу Севду и не могла не пойти.

Когда я снова вошла в детский дом, сложив руки на груди, то вдруг поняла, что вся дрожу, несмотря на комфортную температуру в помещении. Я медленно шла к кабинету госпожи Севды, Ханан прибежала в кабинет матери быстрее меня. Когда я вошла, Сенем тоже была там. Хотя, когда я уходила, она оставалась в нашей комнате.

Она читала книгу в кожаном кресле у окна.

Мне стало интересно, что госпожа Севда собирается нам рассказать. Меня пугало то, как я могла бы отреагировать на

ее слова. Глаза Сенем казались такими же грустными, как, должно быть, и мои.

Госпожа Севда постукивала пальцами по клавиатуре на своем столе и молчала. Глубоко вздохнув, она подняла глаза от компьютера, сняла очки и прочистила горло.

– Так. Вы, наверное, догадываетесь, почему я позвала вас.

Когда она заговорила, я сразу почувствовала печаль в ее тоне.

Я поняла, что скоро придется прощаться, а мне этого совсем не хотелось. Труд госпожи Севды был неоценим, и ей тоже приходилось очень тяжело.

– Я разговаривала с семьей Алтун по телефону. Они сказали, что хотят тебя удочерить, Сенем. Они очень настаивают на этом, – продолжила она.

Я не знала, что делать. Мне хотелось кричать. Я с трудом сдерживалась.

– Не может быть.

Когда я вмешалась и ответила раньше Сенем, лицо госпожи Севды стало еще более несчастным.

– Я знаю, что у вас обеих есть мечты, Ниса, но госпожа Эсма очень настаивает. Поверьте, я пыталась ее отговорить.

С каждой секундой ком в моем горле становился все больше, и я посмотрела на Сенем. Она уставилась на свои руки, лежащие на коленях. *Какого черта она не смотрит ни на меня, ни на госпожу Севду, никак не реагирует?!* Ее молчание казалось абсолютно непонятным.

– Почему я?

Когда она, наконец, нарушила молчание, я задалась тем же вопросом.

Мне было так интересно. Я знала, что она не хочет уходить, что подруга не хочет меня оставлять, но этот вопрос требовал ответа.

– Боюсь, я не могу сказать тебе этого, моя милая. Но у них действительно есть причины.

Есть причина. Есть причина, по которой они так сильно хотят заполучить Сенем.

И что же так важно для них? Может быть, они действительно ее родственники, которые отвергли ее много лет назад.

Госпожа Севда сказала бы нам об этом.

– Они живут в маленьком городе далеко отсюда. Это довольно богатая семья. Они очень дружелюбны. Господин Деврим один из лучших хирургов. Его жена, госпожа Эсма, очень добрая женщина. Мы давно знакомы. Я впервые встретила ее в благотворительном фонде. Они с мужем не только неоднократно делали пожертвования, но и не раз помогали нашему детскому дому.

Пока госпожа Севда рассказывала Сенем об этой семье, я чувствовала, что нас покупают. Это привело меня в, а она продолжала говорить об этой семье, и мой гнев только усиливался. Если бы я только могла сказать Сенем.

Так что же я здесь делаю? В конце концов, это не я.

Они хотят удочерить ее. Они хотят забрать ее как игрушку.

Я не могла больше терпеть.

– А зачем вы позвали меня, госпожа Севда?

Мой голос дрожал, и я позволила своим глазам наполниться слезами. Я не хотела плакать, но ничего не могла с собой поделать.

Я осталась одна.

– Я знаю, насколько вы преданы друг другу, насколько вы любите друг друга. Я знаю, что ты любишь ее. Вы выросли вместе, но я не хочу, чтобы ты морочила голову Сенем. Не позволю. Она должна сама принять это решение.

Когда госпожа Севда сказала это, я все поняла. В этой комнате не было места для меня. Она сказала, что знает, как мы связаны, но все равно выступала за тех, кто хотел нас разделить.

– Вы даже не спросили моего мнения, – пробормотала я надломленным голосом.

Я вытерла каплю на щеке тыльной стороной ладони и отвернулась.

– У меня здесь нет никаких дел. Приятного общения. Вы и без меня можете нахваливать эту семью, госпожа Севда, – добавила я, а затем направилась к двери и вышла из кабинета. Я помчалась по коридору, рыдания сменились тихими всхлипами, слезы лились из глаз. Я запыхалась, горло горело.

– Ниса!

Единственное, в чем я сейчас нуждалась, — это в одиночестве, и голос внутри меня говорил, что в будущем у меня его будет предостаточно.

«Эгоизм — это не жить так, как хочется жить самому, а заставлять других жить так, как хочется жить самому», — сказал Оскар Уайльд.

Так ли это на самом деле? Потому ли, что человек эгоистичное существо, он не мог сдаться, или потому, что страх одиночества вонзился в его сердце, как нож? Я не могла принять решение. Все, о чем я могла думать — это о том, что я ни о чем не могу думать сейчас.

Моя жизнь походит на лоскутное одеяло. И шрамы останутся со мной навсегда. Неважно, насколько сильна эта связь, это всего лишь заплатка на большой ране, которая не закрывается, напоминает о себе и болит каждый раз, когда я смотрю на нее.

Я не хотела вести себя как эгоистка, но у меня не было выбора. Я не могла ничего добиться, постоянно плакала, повторяя: «Ниса, успокойся. Еще ничего не закончилось. Надежда еще есть».

Может быть, надежда и была, но, похоже, в данный момент я не ощущала ее.

Я знала, что разрушаю себя и, что самое главное, разрушаю Сенем тем, что делаю. Я искала любую возможность сбежать от нее в течение следующих дней. Когда мы находились в комнате, я постоянно отводила взгляд, а когда мне

это не удавалось, выходила и не возвращалась, пока подруга не засыпала. Я хотела бы быть с Сенем и поддерживать ее вместо того, чтобы избегать, но не могла. Что-то мешало мне. Но чем больше я отстранялась от Сенем, тем сильнее она стремилась ко мне. Госпожа Севда была права. Мне не следовало мешать ей. И в то же время я не могла сказать, что ей нужно уйти, потому что мы были так близки. «Иди и будь счастлива со своей новой семьей».

У меня не хватало смелости сказать эти слова.

Прошло пять дней с тех пор, как состоялся тот ужасный разговор в кабинете госпожи Севды. Теперь она все больше говорила об удочерении Сенем, и семья Алтун еще несколько раз посетила детский дом. Так я увидела господина Деврима, которого не смогла увидеть в тот день. Он казался таким же милым, как и его жена, и, пока Сенем болтала с ними, я заметила в их глазах кое-что, чего раньше не видела. Надежду и желание стать счастливыми. Я была слишком слаба, чтобы порадоваться за них.

Меньше всего мне хотелось оставаться вдали от своей лучшей подруги во время каникул, и это делало происходящее сейчас еще более ужасным. Всего несколько недель назад мы строили планы совместного похода по магазинам, а теперь все рухнуло. Хотя мой разум не принимал эту ситуацию, она была правдой. Эта семья хотела забрать у меня человека, которого я ценила больше всего. Они хотели забрать у меня того замечательного друга, который был моей под-

держкой и опорой долгие годы, который вытирал мои слезы, который шел на любые жертвы, чтобы заставить меня улыбаться.

Помню, однажды мы играли в шарады с другими маленькими детьми, чтобы развеселить девочку, которая только что приехала в детский дом. Из-за того, что я не понимала движений, которые она показывала, Сенем выругалась перед ребятами и госпожой Севдой, а потом прошептала: «Ты не слышала». Она была совершенно особенной. Она пережила свою боль. Или притворялась, что пережила. Я верила, что Сенем принесет радость всюду, куда пойдет. Хотя я часто называла ее глупой, она была такой мудрой... Даже когда слишком много мечтала и уходила в свои грезы, мне нравилось ее счастливое состояние Поллианны⁴. Я же скорее напоминала ее холодную тетю, которую Поллианна старалась сделать счастливой. Было очень трудно оторваться от Сенем, когда мы так дополняли друг друга.

Поднявшись со стула, я выключила компьютер. Я несколько часов провела в компьютерном классе, пытаюсь убить время и отвлечься от праздных мыслей. Единственное, что позволяло мне сбежать от Сенем – это домашнее задание, полученное на каникулы. Когда я взглянула на часы на стене, то поняла, что уже за полночь. На каникулах большинство моих сверстников, как и я, предпочитали допоздна не

⁴ Поллианна Уинтер – героиня одноименного романа Элинора Портер, однанадцатилетняя девочка, которая умеет во всем видеть хорошее.

спать, но, узнав, что я подолгу засиживаюсь за компьютером, госпожа Севда запретила бы мне так делать.

Собрав тетради и книги, я надела куртку и вышла в коридор. Но возвращаться к себе в комнату не хотелось. Мне нужно было прогуляться и отвлечься от мыслей.

Когда я вышла в сад, ночной холод немного привел меня в чувство. Прохладная погода иногда оказывала успокаивающее действие. В саду корпуса, где жил Мустафа, вечером было многолюднее, чем обычно. Не только из-за каникул, но и из-за того, что мальчики – более неугомонные, чем мы, девочки, – не уставали играть в мяч на улице даже в такую погоду.

Прогуливаясь по саду, я встретила взглядом с Мустафой, который сидел под беседкой. Он вновь нарушил правила и проник на нашу территорию, но на этот раз я не сердилась на него. К тому же у меня накопилось так много вопросов, которые я хотела задать. Мустафы не было несколько дней. Я видела его лишь украдкой, когда он возвращался в приют. Я не знала, где он проводит время и чем занимается, ведь в последнее время мы почти не общались.

Крепче сжав книги, я подошла к беседке и села рядом с ним. Придя в сад девочек, Мустафа не ограничился нарушением одного правила. Как всегда, он не расставался с сигаретой. Когда я оказалась рядом с ним, он снова затянулся и выдохнул дым мне в лицо. Я попыталась прогнать ужасный запах руками, но мне не удалось, и его это развеселило.

– Ты отвратителен, – упрекнула я, и Мустафа снова затаился, а затем бросил окуроч на землю.

Когда он ответил: «Ты тоже, вредина», – я поняла, что между нами нет никаких проблем, несмотря на дни молчания. То, что он назвал меня врединою, определенно значило, что между нами все в порядке.

– Вовсе нет.

Скривив губы, как маленький ребенок, я попыталась возразить, но Мустафа подтолкнул меня плечом к другому краю скамейки.

– Так и есть.

Я думала, что он начнет мне хамить, учитывая последний наш диалог, но Мустафа вел себя так, как будто ничего не произошло.

– Ты, конечно, права. Ведь это я уже несколько дней хожу как в воду опущенный.

Мало того, что он удобно расположился на скамейке, так он еще и подшучивал надо мной в такой непринужденной манере, что я не могла не рассердиться. Как и Сенем, я тоже не давала ему спуска.

– Пошел ты к черту, Мустафа, – сказала я, и его лицо расплылось в улыбке. Я редко видела его улыбающимся, но, когда это происходило, он казался действительно искренним. Убрав волосы с моей щеки, Мустафа закинул руку мне на плечо, и это сократило расстояние между нами. В обычное время мне бы уже пришлось уйти в свою комнату и лечь

спать, но сейчас я не могла больше сдерживать себя и собралась выложить Мустафе все, что скопилось у меня внутри, потому что только он мог понять меня. В некоторые моменты, когда я не могла сказать Сенем, что со мной, именно он успокаивал и поддерживал меня. Вот насколько он был особенным. Мустафа был отстраненным, холодным, но в то же время прекрасным слушателем. Я могла поговорить с ним как с психологом.

Когда он сказал: «Валяй», – мое лицо исказилось от отчаяния, а плечи поникли. Я посмотрела в его светло-карие глаза, втянула морозный воздух и выдохнула:

– Они хотят забрать Сенем.

Это прозвучало гораздо хуже, чем я хотела бы. Всякий раз, когда я вспоминала об этом, у меня возникало чувство, которое сложно было передать.

– Я знаю.

Конечно, он знал. Все, что происходило в приюте, тут же доходило до его ушей. Но меня удивил тон голоса Мустафы. Он звучал настолько спокойно, и сам Мустафа вел себя так, как будто мы говорили о чем-то совершенно обычном.

– Госпожа Севда говорит, что это очень хорошая семья.

Когда я продолжила свой рассказ, Мустафа понимающе кивнул.

– Я знаю и об этом. Думаю, это отличная возможность для Сенем.

Я попыталась вырваться из его объятий и заглянуть ему в

глаза. *Мустафа говорит это?! Это говорит человек, который годами скрывал свои чувства?* Я вдруг поняла, что он тоже смотрит на меня.

– Сенем никуда не уйдет, Мустафа.

Глаза юноши расширились, и он забормотал какие-то слова, одно за другим, снова и снова. Он выглядел озадаченным, будто пытался разобраться в чем-то.

– Что это значит?

– Она просто не захочет уходить. И я ей не позволю.

– Почему?

– Без причины.

Когда Мустафа резко поднялся со скамейки и встал передо мной, я увидела, что его брови нахмурились, а выражение лица ожесточилось. *Что с ним происходит?* Он должен был понять меня, должен был согласиться со мной. Когда дело касалось Сенем, он должен был понимать меня лучше, чем кто-либо другой. Кроме того, именно я знала о чувствах, которые он скрывал все эти годы. Я видела, что у него в душе.

– Ты что, с ума сошла? Думаешь, что имеешь на это право? В каком мире ты живешь, Ниса?

Его крик разнесся по всему саду, и я заметила, что несколько человек смотрят на нас с территории мальчиков.

– Отойдите, – крикнул он им, и мальчики, ничего не ответив, вернулись к футболу. Когда хмурый взгляд Мустафы встретился с моим, я не нашлась, что сказать. Я просто захотела уйти. Знала: этот разговор ничем хорошим не закон-

чится.

– Я вижу сны, – тихо пробормотала я, и он усмехнулся. Мустафа никогда не воспринимал меня всерьез. Сколько еще я могла страдать?

– Сними розовые очки. И оставь свои глупые мечты в стороне. Сенем может стать счастливой, а ты вот так обманываешь ее? Пустыми мечтами?

Когда он сказал это, я поняла, что не могу больше оставаться здесь.

– Ты разбиваешь мне сердце, – прошептала я. Мустафа схватил меня за руку и остановил, когда я попыталась встать, чтобы вернуться в приют.

– Ты должна быть благодарна, что я не проломил тебе голову. У Сенем появился шанс перевернуть свою жизнь, а ты, вредина, хочешь ей помешать. Это так? Ты в своем уме?

Я хотела заткнуть уши, чтобы ничего не слышать. От слов Мустафы дыра внутри меня стала больше. Моя рана кровоточила, я не могла ничего с этим сделать.

– Я думала, что смогу поговорить с тобой, но вижу, что ошиблась.

Я хотела вырваться из его хватки, но он не отпустил меня. Мустафа еще крепче сжал мои руки.

– Мечты, Ниса? Какая мечта сбылась на сегодняшний день? Расскажи мне.

У меня защипало глаза, и я хотела отвернуться, но не смогла.

– Знаешь ли ты, что происходит в окружающем мире?

Я не могла ответить, комок в горле мешал говорить.

– Нет, ты ничего не знаешь. Может быть, ты видишь, но не понимаешь. Ты действительно слепа. Я каждый день вижу, как всякие подонки насилуют девушек и детей, просящих милостыню с пустыми коробками, Ниса. Вы действительно верите, что станете счастливыми, когда уедете отсюда? Какие мечты вы сможете осуществить, не имея денег? Ты хочешь, чтобы Сенем прожила такую жалкую жизнь? Нет, Ниса. Это не ты. Моя Ниса не эгоистка.

Я уронила книги на землю и разрыдалась. Оказавшись в объятиях Мустафы, я прижималась к нему и проливала слезы на его черный свитер. Не знаю, как долго я плакала, но слезы лились градом. Он был прав. Я не хотела с этим соглашаться, но Мустафа был прав в каждом предложении, в каждом слове.

– Я ненавижу, когда ты прав!

Мои зубы стучали, когда слова срывались с моих губ. Не потому, что мне было холодно, а потому, что я понимала, что мне не избежать одиночества.

– Поверь мне, подружка, мне тоже не нравится оказываться правым, но это так. Когда вы уйдете отсюда, вы не попадете в радужный мир. Вам придется жить в страхе.

Когда Мустафа достал из кармана скомканный носовой платок и протянул его мне, я без возражений взяла его и вытерла глаза и нос. Вскоре я полностью пришла в себя. Теперь

я собиралась выполнить свой долг и покончить с этой бессмыслицей.

– Тебе нужно поговорить с Сенем, – сказал Мустафа, одобрительно кивнув и похлопав меня по спине. Может быть, он хотел поддержать меня, но это было бесполезно. – Это именно то, что ты должна сделать. Беги, ты же знаешь, что белокурая красавица быстро засыпает.

Вместо того чтобы запротестовать, я начала действовать, чтобы осуществить задуманное. Подобрав книги, которые уронила, направилась в сторону детского дома. Но успела сделать всего несколько шагов, прежде чем вспомнила, зачем вообще пришла. Я хотела призвать Мустафу к ответу и выяснить, чем он занимался в эти дни. Пришлось отложить это на потом. Мустафа уже догадался, что я не оставляю его в покое. Позже у нас будет много времени, чтобы поговорить.

Иногда люди способны рискнуть и пройти через многое, что причиняет им боль, ради тех, кого они любят. Когда человек готов на все ради счастья своих близких, он не обращает внимания на препятствия на своем пути.

Я долго не хотела позволять своей подруге стать счастливой, но наконец поняла, что должна уступить. Но как сделать это? Как сказать Сенем, что она может отказаться от наших общих обещаний и мечтаний? Я не знала, но понимала, что так будет лучше для нее. Что если Сенем верит, что сможет стать счастливой в этой семье, я должна отпустить ее и поддержать это решение. Только так я могла поступить как на-

стоящий друг.

Чем ближе я подходила к нашей комнате, тем тяжелее мне становилось. Но я ни за что не собиралась сдаваться. Мустафа был прав. Мне следовало отбросить эгоизм и позволить Сенем стать счастливой.

Когда я вошла, то увидела, что Сенем сидит скрестив ноги на своей кровати и что-то пишет в блокноте. Она не спала. Я закрыла дверь и оставила книги на столе, Сенем подняла взгляд, повернула ко мне голову, улыбнулась, встала с кровати и подошла ко мне.

– Я рада, что ты пришла, Ниса. Я составила список, ведь завтра мы собирались за покупками. Наконец-то мы сможем купить новое постельное белье и свитеры.

Когда она с волнением протянула мне лист бумаги, я взяла его и посмотрела, что она написала. Одежда, цветные простыни, зимние носки, блокноты, зажигалки и многое другое... Я попыталась улыбнуться, но у меня не вышло, и я положила список на стол.

– Может, поговорим немного?

Я тяжело вздохнула. Сенем кивнула, я взяла ее за руку и заставила сесть на мою кровать. Когда я стояла прямо перед ней, то не могла смотреть в ее зеленые глаза.

– Слушай, я не знаю, как начать, поэтому просто скажу. Не перебивай меня. Хорошо?

Хотя Сенем не понимала, что происходит, она кивнула. Сделав глубокий вдох, я все-таки посмотрела ей в глаза. По-

друга должна была поверить, что я настроена серьезно и забочусь о ней.

– Ты должна принять предложение этой семьи.

Отпустив ее руку, за которую держалась, я заметила незнакомое мне выражение злости в глазах Сенем. Она смотрела с таким гневом, что я почувствовала ее разочарование всеми фибрами души.

– О чем ты, черт возьми, говоришь? Я никуда не пойду!

Я хотела снова взять ее за руку, чтобы успокоить, но она отодвинулась от меня еще дальше.

– Мое решение окончательное. Я говорила тебе об этом много раз, но ты не хотела мне верить. Я никуда не уйду, Ниса. Останусь здесь, с тобой, с нашими мечтами.

Она не позволяла мне возразить, и мне это не нравилось.

– Возможно, тебя ждет идеальная жизнь. А как мы сможем исполнить наши мечты без денег?

– Мы найдем работу. Придумаем способ.

Хотя ее убежденность грела мою душу, я понимала, что борьба за место под солнцем не окажется такой уж легкой. Слова Мустафы все еще звучали в моих ушах.

– А как же университет? Твое желание стать художницей? Те прекрасные картины и портреты, которые ты сможешь нарисовать? Конкурсы, в которых ты сможешь победить, стипендии... Сенем, ты не понимаешь, я не могу дать тебе это. Мы не сможем достичь этого вместе.

Хотя мои губы дрожали, я продолжила, воспользовавшись

ее молчанием:

— Когда госпожа Севда организует для тебя встречи с этой семьей, когда они приезжают сюда и проводят с тобой время, ты становишься другой. Я вижу, как ты счастлива в эти моменты. Как взволнована, как блестят твои глаза. Я очень люблю тебя, Сенем, и не могу отнять у тебя будущее. Не могу поступить так эгоистично. Когда идеальная жизнь стучится в дверь, я не могу позволить тебе оставить ее закрытой и даже не заглянуть за нее.

Я не смогла остановить слезы, побежавшие по щекам, Сенем тоже заплакала. Я сумела, сказала ей. Теперь она знала, что я ее отпускаю.

— Без тебя, — пробормотала она, и я, попытавшись улыбнуться, кивнула.

— Без меня. — Я крепко обняла ее и прижала к себе. Притянула подругу ближе, и ее слезы намочили мое плечо. Наши рыдания заполнили тишину комнаты. Принять решение, чтобы отпустить Сенем, оказалось легче, чем сделать это. Прощаться с тем, кто стал частью тебя, твоей половиной, — это невероятно сложно. Это слишком больно. Сенем была для меня гораздо больше, чем просто другом. Она была моей семьей, моим домом, и теперь я теряла ее. У нас оставалось слишком мало времени.

Мы знали, что семья Алтун приедет рано утром и расставание совсем близко, поэтому эту ночь провели в одной кровати. Все это время мы плакали и вспоминали нашу жизнь.

Мы могли больше не обрести новые совместные воспоминания и перебирали наши общие приключения и моменты, как драгоценности.

После завтрака мы с Сенем поднялись в нашу комнату. Пока Сенем собиралась, я наблюдала за ней. Я собиралась спуститься с ней в кабинет госпожи Севды, потому что подруга попросила быть с ней перед отъездом. Прощание уже стучалось в наши двери. Несколько минут спустя мы могли обнять друг друга в последний раз.

Мы не смотрели друг на друга, пока медленно шли по коридору, но Сенем крепко сжимала мою ладонь. Сегодня утром она была робкой, словно ребенок, только начавший ходить в школу. Я знала, что ей страшно. Мы обе боялись, но знали, что переживем это. Я собиралась помочь ей добиться успеха, даже если сама не смогу. Когда Сенем вдруг остановилась, мне пришлось подтолкнуть ее, чтобы она продолжила путь. Ей нельзя было сдаваться, она должна была начать новую жизнь с этой семьей. Должна была уехать и начать все сначала, чтобы стать счастливой.

Когда мы оказались перед кабинетом госпожи Севды, то постучали и вошли внутрь. Мы окинули взглядом людей в кабинете, не зная, что делать дальше. Госпожа Эсма и ее муж посмотрели на меня, как будто спрашивая, что я здесь делаю.

– Господин Деврим и госпожа Эсма, – представила их госпожа Севда. Она сделала это для меня, потому что до этого меня официально не представляли ни одному из них. Кив-

нув из вежливости, я продолжила молча стоять в углу. Я могла только наблюдать за тем, что должно было произойти.

– Приняла ли ты решение, Сенем?

В ответ на вопрос госпожи Севды Сенем выпрямилась и кивнула. Страх исчез с ее лица, и оно стало очень серьезным.

– Ты что-то хочешь сказать? – спросила госпожа Севда. Я продолжала рассматривать стоящую передо мной пару. Я помнила госпожу Эсму, потому что мы встречались в тот день, но впервые видела ее мужа, господина Деврима, так близко. Он казался таким же милым, как и его жена. Когда наши взгляды встретились, он тепло улыбнулся. Я хотела бы улыбнуться в ответ, но не могла. Не в такой ситуации.

В комнате воцарилась давящая тишина, и Сенем подошла ко мне, расправила плечи и взяла меня за руку. *Что вдруг случилось с ней?*

– Честно говоря, я много думала об этом всем, и вы оказали на мое решение не меньшее влияние, чем госпожа Севда, – обратилась она к супругам Алтун. – Я благодарна, что вы пришли сюда и позаботились обо мне.

Сделав паузу, она посмотрела на меня, искренне улыбнулась и снова повернулась к ним.

– Вы замечательные люди, и для меня большая честь, что вы выбрали меня среди стольких детей. Я бы с удовольствием переехала и начала с вами новую жизнь, но у меня есть одно условие.

Я перестала рассматривать большие плитки на полу, под-

няла голову и устремила взгляд на Сенем. Что она задумала? Мы не обсуждали ничего такого, но по лицу Сенем было понятно, что она настроена решительно.

– Мы слушаем тебя, милая, – ответила госпожа Эсма, и Сенем еще крепче сжала мою ладонь. На ее лице не было ни страха, ни беспокойства. Она вела себя смелее, чем когда-либо. Я не знала, что сказать, когда она посмотрела на меня, словно оценивая мою реакцию. У меня не было ни малейшего представления о ее намерениях. Мне было так же любопытно, как господину Девриму и госпоже Эсме. Обведя взглядом всех присутствующих в комнате, она остановила его на мне и сказала:

– Я ни за что не оставлю Нису. Если вы заберете и ее, я пойду с вами.

Глава 3

Правильно ли я расслышала? Или мне это только показалось? Может быть, мне снится сон?

Я ущипнула себя, но ничего не изменилось. Я отдернула свою руку от руки Сенем.

Это был не сон. Все происходило на самом деле. В кабинете госпожи Севды.

Я стояла в его центре и наблюдала за парой напротив.

Я и представить себе не могла, что когда-либо переживу подобное. Сенем часто совершала невероятные поступки, но на этот раз она превзошла себя. Она просто сошла с ума! Может быть, ее разум помутился из-за переживаний о переезде? Нет, это не так, она была в порядке. Девушка, которая только что с опаской шла по коридору, исчезла, вместо нее появилась уверенная в себе Сенем, поразившая всех своим мужеством.

Сенем, которая с уверенной улыбкой смотрела теперь на всех нас.

Она могла быть гораздо более упрямой, чем я, когда чего-то хотела.

Произошедшее стало полной неожиданностью для меня.

Пока госпожа Севда переводила взгляд с одной из нас на другую, я медленно приходила в себя.

Я схватила Сенем за руку и развернула к себе. *О чем, черт*

возьми, она говорит?

Кто она такая? Что в ее голове? Как она может так поступить после прошлой ночи?

Как могла придумать такое условие? Это не имеет смысла. Это невозможно.

Или она не понимает, что шанс есть только у нее? Я не знала, что говорит об этом закон, но мысль о том, что так мы сможем быть вместе, казалась мне ошибкой. На самом деле, это было несправедливо. Семья Алтун приехала за Сенем, а не за мной, и Сенем следовало вести себя соответственно.

– О чем, черт возьми, ты говоришь? – Мой гнев вырвался наружу.

Поскольку голос ясно выражал мои чувства, госпожа Севда тут же перевела взгляд на меня.

Госпожа Эсма и господин Деврим наблюдали за нами.

– Я никуда не пойду без тебя. Думаешь, я буду счастлива снаружи, а тебя брошу здесь? Этого не случится! – Сенем получила шанс на лучшую жизнь, но отвергла его, не задумываясь.

Но я не могла позволить ей это сделать. Она должна была прекратить это дерьмо и пойти своим путем, а не рисковать всем ради меня.

Что это, черт возьми? Я была уверена, что Сенем хочет уйти с этой семьей, что она собирается это сделать. Она должна была это сделать.

– У тебя совсем нет мозгов?! – когда я прикрикнула на

Сенем, она лишь пожала плечами. Это было слишком. Подруга вела себя вызывающе дерзко.

Госпоже Севде следовало немедленно взять ситуацию под контроль, иначе эта пустоголовая блондинка упустила бы свой шанс.

– Мое решение окончательное. Либо нас двоих, либо никого.

Господин Деврим не смог сдержать усмешку. Госпожа Эсма и госпожа Севда выглядели ошеломленными, а он смеялся, наблюдая за нами. Возможно, если бы я наблюдала за всем со стороны, выходка Сенем тоже показалась бы мне смешной.

– Ты пойдешь со мной, – отрезала я, крепко схватила ее за руку и вывела в коридор, закрыв за собой дверь, чтобы никто не мог нас услышать.

Кто-то должен положить конец этой бессмыслице. Видимо, сделать это придется мне.

Когда я отпустила Сенем, она скрестила руки на груди. *Что случилось с ней за ночь? Что за решительность? Я ведь всего лишь пытаюсь помочь ей получить лучшую жизнь. Она что, слепая, раз не видит этого?*

– Ради бога, что ты делаешь? Остановись! – Она даже бровью не повела, когда мой крик эхом разнесся по коридору. Ох уж это ее упрямство. Я впервые видела подругу такой решительной, но именно эта непоколебимость создавала проблемы и могла лишить ее единственной возможности изме-

нить жизнь.

– Я сказала там, в кабинете, то, что должна была сказать. Мое решение окончательное.

Я закатила глаза от бессилия.

– Ты забываешься, это верх глупости!

Когда Сенем гневно распахнула глаза, я поняла, какую ошибку совершила, но было слишком поздно: теперь она не отступила бы.

– Я не дура!

– Еще какая!

– Давай не будем спорить, ладно? Я не дура! Я приняла решение, и в этот раз будет по-моему, ты не переубедишь меня.

Не успела я открыть рот, она подняла руку и заставила меня замолчать. Когда Сенем находилась в таком настроении, стоило дать ей выговориться. К тому же мне было интересно, как она додумалась до такого. Может, мы и выросли вместе, но это не значило, что мы не расстанемся. Однажды наши пути могли разойтись. Просто мне казалось, что из-за удочерения Сенем это произойдет раньше, чем мы надеялись.

– Я думала обо всем, что ты сказала прошлой ночью. До самого утра. Я тоже не глупая. Ты права. Тебе от этого легче? Ты счастлива? Ты права, потому что это действительно прекрасная возможность. Моя жизнь действительно может измениться, и я могу быть счастлива. Как бы я ни любила этот детский дом, я могу уехать отсюда и построить более

светлое будущее. Но...

Сделав паузу, Сенем подошла ближе и заглянула в мои глаза. Ее взгляд, полный света надежды, завораживал. Она любила меня. Она очень хотела, чтобы я была с ней.

– Но я не хочу ничего этого без тебя, не хочу быть счастливой без тебя, не хочу начинать богатую жизнь без тебя. Что мы обещали друг другу в детстве? Почему сейчас мы должны отказаться от всего?

Я утирала ее слезы, пока голос Сенем становился все тише и тише. Она говорила то, чему я не могла противиться. Сенем прекрасно знала, что после ее ухода я утону в одиночестве, и поэтому она хотела взять меня с собой, а не оставить одну в темноте. А я? Хотела ли я, чтобы Сенем действительно была счастлива, или чтобы она прожила жизнь здесь, со мной, в страданиях? Я не могла сделать то, чего она хотела. Не могла пойти с той семьей.

– Ты такая глупая, блонди, – прошептала я, но подруга лишь фыркнула и улыбнулась. И что мне оставалось делать? Что я должна была сказать? Как отреагировать? Новая жизнь, новая семья... Я не была готова к этим изменениям, я не подходила для этого. Сенем была другой. Она могла бы сделать семью Алтун счастливой и стать для них источником радости. А я даже не знала, захотят ли они взять меня. Сенем не понимала, в какое положение меня поставила. Неужели она думала, что может взять меня с собой только потому, что ей так захотелось?

Пока моя голова разрывалась от мыслей, дверь кабинета госпожи Севды открылась, и мы увидели выходящих из кабинета господина Деврима и госпожу Эсму. Госпожа Севда следовала за ними. Все они смотрели на нас с нежностью. Кто знает, о чем они думали. Что бы там ни было, им следовало поступить по-взрослому и решить эту проблему.

– Я озвучила свое решение, – произнесла Сенем.

Я бросила на нее умоляющий взгляд, желая, чтобы она прекратила.

– Возможно ли это, госпожа Севда? – Вопрос господина Деврима заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. Я широко открыла рот: сбывался мой главный страх.

– Это невозможно, – повысив голос, вмешалась я и посмотрела на госпожу Севду, ожидая, что она закончит все это.

– Это можно устроить, но Ниса должна дать согласие.

Я не знала, что делать, когда все взгляды вдруг обратились ко мне. Я совсем запуталась. Сенем смотрела на меня с надеждой, а во взгляде госпожи Севды читался вопрос.

– Честно признаться, у нас была только одна цель, когда мы приехали сюда. Мы точно хотели завести ребенка, но и Деврим, и я, понимали, что не сможем справиться с малышом. Вот почему мы решили, что лучше удочерить подростка. Я видела, как вы бегали по саду, а затем дурачились и смеялись в этом коридоре, я долго наблюдала за вами. И поняла, что не смогу разлучить вас. Я поддерживаю решение

Сенем. – Госпожа Эсма выпустила руку своего мужа и подошла к нам. Искренне улыбаясь, она посмотрела на меня и погладила по макушке. – Я не могу различить двух прекрасных девушек, которые так преданы друг другу. Пойдем с нами.

– Ты хочешь этого, Ниса? – Когда мистер Деврим подошел к своей жене и сжал ее плечо, я поняла, что он согласен с ней. Их слова совершенно сбили меня с толку.

Эти люди хотели забрать нас обеих. Они приняли это условие.

– Современная молодежь не слишком заботится о дружбе. Она уже не имеет значения. Люди стали настолько странными, что часто я даже не могу понять, кто такие мои пациенты. Но вы, девочки, преподали нам сегодня урок. Оказывается, настоящая дружба все еще существует. Вы так преданы друг другу. Госпожа Севда воспитала вас чудесным образом. Поздравляю.

Когда мистер Деврим договорил, я почувствовала себя загнанной в угол. Я искала лазейку, чтобы убежать, но не могла найти ее. Они оба казались искренними и чистыми сердцем людьми. Не знаю, нормально ли так думать о незнакомцах, но я боялась обидеть их. Если бы это была другая семья, возможно, я бы не отпустила Сенем, но в паре Алтун мне виделось что-то особенное. Это чувство давало уверенность в том, что это правильное решение.

Что касается меня... За все эти годы я настолько растворилась в жизни детского дома, что мечта о том, чтобы вы-

браться отсюда, часто казалась сном. Теперь все стало по-другому. Как сказала Сенем, мы могли покинуть этот дом вместе, мы могли вкусить счастье, не расставаясь друг с другом. Но действительно ли я этого хотела? Могла ли я доверять этим людям?

– Я не знаю, что сказать, – пробормотала я, глядя на госпожу Севду. Только она могла помочь мне сделать выбор. Мы с ней во многом были похожи, она понимала, как сложно мне даются важные решения.

Господин Деврим произнес:

– Мы принимаем предложение Сенем, госпожа Севда. Если это возможно, я прошу вас начать необходимые процедуры немедленно.

Я все еще не могла прийти в себя. Как я оказалась в такой ситуации?

– Как я уже сказала, Ниса должна дать свое согласие.

Услышав слова госпожи Севды, я опустила плечи и постаралась сохранить ровное дыхание.

Я смотрела на выражения лиц каждого из стоявших передо мной людей по очереди, пытаюсь понять их эмоции. Сенем все сильнее сжимала мою руку, настаивая на том, чтобы я согласилась. Госпожа Эсма и господин Деврим выжидающе наблюдали, они уже высказали свое мнение. Они хотели забрать нас обеих. Понимали ли они, каково это – заботиться о двух подростках? Неужели они считают, что справляться с двумя молодыми девушками будет легко? Если так, то

они сильно ошибаются.

Я отвела взгляд и уставилась на закрытые двери в коридоре, чтобы собраться с мыслями. Столько одиноких детей, желавших оказаться в семье, находились за этими дверьми, но эти прекрасные люди хотели забрать именно нас. В моей голове проносились воспоминания о детстве, проведенном в этих стенах, когда я заметила Мустафу, прячущегося в другом конце коридора и наблюдающего за нами. Когда и как он проник в наше здание? Если бы госпожа Севда поймала его, он бы получил более суровое наказание, чем когда-либо. Мустафа дал мне знак молчать, и я постаралась скрыть свое смущение, наверняка отразившееся на лице. Когда я снова посмотрела на него, Мустафа просто кивнул. Сначала я не могла понять, что юноша имеет в виду, но потом, когда Мустафа показал на семью и повторил тот же жест, меня осенило. Он хотел, чтобы я согласилась.

Сенем дернула меня за руку, и я отвела взгляд от Мустафы и повернулась к людям, ожидавшим ответа. Я должна была что-то сказать и закрыть этот вопрос. Я могла отказаться или согласиться, но должна была сделать выбор. Вздохнув, я прикрыла глаза на несколько секунд, а затем открыла их и посмотрела на пару перед собой.

– Пожалуйста, дайте мне время подумать.

Два дня... Целых два дня я обдумывала плюсы и минусы этой ситуации. С одной стороны, мне казалось, что это жизнь Сенем, ее будущее, я не могу стать частью этого ни с того

ни с сего. С другой – голос внутри меня твердил, что я тоже заслуживаю счастья и достойного будущего. В конце концов я решила принять предложение семьи Алтун. Пусть на меня и порядком надавили, чтобы я сделала это.

Большую часть времени Сенем и Мустафа спорили друг с другом, они почти никогда не ладили, но, когда дело коснулось меня, они объединили усилия и действовали заодно. В течение этих двух дней они пытались влезть мне в голову, чтобы убедить согласиться. Я, возможно, устояла бы перед доводами Сенем, но против них двоих выстоять было невозможно. Сколько бы раз я ни говорила им, что это неправильно, они не слушали.

Конечно, не только Мустафа и Сенем повлияли на мое решение. Я не могла не обратить внимание на поведение семьи Алтун. Пока я раздумывала над тем, как они справятся с двумя молодыми девушками, они показали, что это не станет проблемой, и приехали в приют только для того, чтобы познакомиться со мной поближе. Они давали такие заманчивые обещания, что я едва ли могла отказаться.

И хоть я все еще сомневалась в своем решении, Сенем, казалось, не замечала этого и была абсолютно счастлива. Она так радовалась тому, что я поеду с ней и что мы никогда не расстанемся, что буквально расцвела. А как же я? Была ли я готова стать частью семьи, которую никогда не знала, принять ее и считать своей? Определенно нет, но я уже сделала выбор и пути назад не было.

Я долго смотрела на двух маленьких девочек на фото, прежде чем забрать рамку с тумбочки рядом с моей кроватью и уложить в чемодан. Фотография в руке хранила воспоминание о нашем первом дне в школе. «Мы больше никогда туда не пойдем», — подумала я и вспомнила ту заботу, которой окружала нас все эти годы госпожа Севда.

Сенем тоже собрала свои вещи и постельное белье. Я задумалась о том, что кто-то займет эту комнату после нашего ухода. Даже мысль об этом отзывалась в сердце болью.

Утром мы опустошили шкафы и ящики, собрали все свои безделушки со столов и отдали часть вещей нуждающимся. Комната стала такой пустой и заброшенной, она будто кричала о том, что я приняла неверное решение. Я потянулась к маленькому плюшевому медвежонку на прикроватной тумбочке. Сенем подарила его мне на девятый день рождения. С улыбкой на лице я коснулась надписи «I Love You». В нашей жизни никогда не было места модным игрушкам и куклам «Барби». Мы довольствовались шариками и маленькими плюшевыми мишками. Но теперь мы двигались к гораздо большему миру. Я определенно не была готова к этому.

Я положила мишку в чемодан и застегнула его. Я уже упаковала все, включая прочитанные книги, и теперь мне нужно было перевести дух и взять себя в руки. Вместо того чтобы расстраивать Сенем беспокойным поведением, мне следовало принять новую жизнь, в которую я собиралась войти.

— Я ненадолго уйду. Если задержусь, сможешь отнести ве-

щи в комнату, где мы будем жить? — спросила я Сенем, с трудом застегивающую набитый чемодан.

— Если я смогу поднять это, то, конечно, справлюсь. Иди.

Я поцеловала ее в щеку и быстро вышла из комнаты. Было не время показывать плохое настроение.

Мы собирались провести нашу последнюю ночь в приюте в одной из комнат на втором этаже, ее нам предоставила госпожа Севда. Завтра я собиралась покинуть этот дом, где провела младенчество и детство, где кричала от счастья и тонула в печали. Нелегко выйти из норы, если ты прятался в ней столько лет, и попасть в другой мир, познакомиться с другими людьми. Я бы рассмеялась, если бы кто-то сказал мне, что такое может случиться. То, что я осмелилась сделать это, пугало меня.

Вчера забрали наши документы из школы. Директор, учителя и даже математик, которого Сенем постоянно ругала, одновременно удивились и очень опечалились, узнав, что нас отдали на удочерение. Я даже представить себе не могла, какотреагируют наши одноклассники, когда узнают об этом. Сердце разрывалось от мысли, что мы не сможем попрощаться с ними, даже с Ахметом Большие Уши. Мне хотелось увидеть и обнять их всех в последний раз перед отъездом. Как же я ошибалась, когда предполагала, что ничего не изменится. Вся моя жизнь менялась, словно по мановению волшебной палочки, а я не могла возразить.

Спустившись на первый этаж и выйдя в сад, я зажмури-

лась и подняла голову к небу. Я вдыхала прохладу морозного воздуха, растирая руки. Открыв глаза, я некоторое время смотрела на мерцающие звезды. *Будет ли их так много в том маленьком городе, в котором мы станем жить? Будут ли они так же украшать небо?*

– Значит, ты тоже уходишь, вредина, да?

Услышав этот голос, я опустила голову и увидела Мустафу. Сохраняя свой стиль, он снова нарушал правила и курил в саду нашего корпуса. Ухмылка коснулась его лица, когда я подошла к нему, юноша тут же бросил сигарету на землю и затушил ее ботинком, и мы обнялись. Я была благодарна за то, что в этот раз Мустафа не продолжил курить при мне.

– Ты ведь знал, что все это произойдет, не так ли? – с сарказмом спросила я, и он встал со скамейки и взял меня на руки.

– Просто угадал. Я был уверен, что блонди никуда не уйдет без тебя, и именно так и вышло. Вас нельзя разлучать, Ниса. Это судьба!

Мое хихиканье эхом отозвалось в холодном воздухе, я вырвалась из объятий Мустафы и легонько ударила его по плечу. Мне было приятно, что даже сейчас он смог заставить меня улыбнуться.

Я не знаю, предвидел друг все это или нет, но Мустафа очень хорошо знал нас обоих. Несмотря на то что в большинстве случаев он раздражал меня этим, он действительно никогда не ошибался. Вот почему мы так ценили его. После

того как Мустафа опустил меня на землю, он взъерошил руками свои короткие волосы, а затем потянулся к маленькому черному пакету на скамейке. Я только сейчас заметила его.

– Я купил это для тебя сегодня.

Когда он протянул мне пакет, я с любопытством подняла брови. Меня окутало волнение. Открыв пакет и разорвав упаковку, я дрожащими руками достала подарок. Увидев на обложке Энн Хэтэуэй⁵ и Джима Стерджеса⁶, не удержалась и усмехнулась. Перед прощанием он нанес свой последний удар, мой всегда все знающий друг.

«Один день»⁷.

Эта книга стала победителем конкурса, в котором мы участвовали за несколько недель до Нового года.

Все началось с того, что Мустафа проник в наш корпус посреди ночи. Несмотря на все наше сопротивление, он так и не ушел, еще и заявил, что хочет устроить с нами вечер кино. Я взяла пульт от телевизора в детской игровой комнате и, растянувшись на диване, стала переключать каналы. Так мы наткнулись на фильм, снятый по книге, которую я сей-

⁵ Энн Жаклин Хэтэуэй – американская актриса и певица. Обладательница премий «Эмми», «Золотой глобус», Премии Гильдии киноактеров США, BAFTA и «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана в фильме-мюзикле «Отверженные».

⁶ Джеймс Энтони Стерджесс – британский актер и певец.

⁷ «Один день» – роман британского писателя и сценариста Дэвида Николса, изданный в 2009 году, а также одноименный фильм, вышедший в прокат в 2011 году.

час держала в руках. Тогда Мустафа сказал: «Переключите. Я пришел сюда не для того, чтобы смотреть романтический фильм». Но мы, конечно же, этого не сделали, и ему пришлось смотреть этот фильм с нами.

Поначалу я не знала, что это на самом деле экранизация книги. Но нашла информацию об этом, когда решила побольше узнать об актерах, мне стало любопытно, и я захотела прочесть роман. В конце концов, ни один фильм не может создать такой же эффект, как книга. В книге все зависит от вашего воображения. Когда вы читаете, то как будто смотрите собственный фильм в своем собственном мире, никто не навязывает вам образы. Фильм показывает только верхушку айсберга, и вы не узнаете настоящую историю.

Я особенно хотела, чтобы Мустафа прочел эту книгу, потому что ему не понравился фильм, он счел его слишком драматичным. Хотя он использовал то, что уже видел фильм, как оправдание, я не сдавалась. Когда мы играли в «Правду или действие», я загадала ему это. Вышло забавно, и в итоге Мустафа согласился. Мы сделали Сенем ведущей. В течение нескольких дней мы играли, и ни один из нас не мог выиграть. Но я была настолько честолобива, что мне пришлось прибегнуть к хитрости. На этот раз я нарушила один из тех запретов, что постоянно нарушал Мустафа, и тайно проникла в корпус мальчиков. Увидев, что друг спит в одной из учебных комнат в полдень, я, недолго думая, обрызгала его водой и разбудила. После он не раз говорил, что это было

уже слишком, но книгу все же купил, и вот я держала ее в руках.

– Я решил, что лучше купить и прочитать ее, иначе ты так и не успокоишься.

Я улыбнулась и сузила глаза, когда Мустафа убрал руку с моей щеки. Я умоляла его приобрести эту книгу в ту прекрасную новогоднюю ночь, которую мы провели на террасе.

– Разве ты не должен подарить ее Сенем?

Хотя я видела фильм и не читала книгу, но знала сюжет, поэтому перед отъездом хотела в последний раз досадить Мустафе. И, судя по его уклончивому взгляду, мне это удалось.

– Необязательно быть такой засранкой, Ниса.

Когда я опустила плечи и покачала головой, как бы говоря «нет», Мустафа закатил глаза.

Внезапно он притянул меня в свои объятия. Мустафа всегда прибегал к этому: обнимал меня, чтобы я не могла увидеть его эмоции.

– Будьте осторожны, хорошо? Ты же знаешь Сенем, она может надеть глупостей. – Разумеется, я знала Сенем и понимала опасения Мустафы. Невозможно было не понять его страх и тревогу.

– Почему бы тебе не рассказать ей о своих чувствах, прежде чем мы уедем? Разве не стоит сделать это хотя бы сейчас?

Мустафа не любил говорить о таких вещах, но я хотела

подбодрить его. Может быть, что-то изменилось бы между ними до его отъезда. Если не сейчас, то когда?

– Не стоит, вредина, еще не время.

Он дал мне знак замолчать, но когда еще мы смогли бы поговорить? Я даже не была уверена, что нам выпадет еще один шанс.

– А что насчет тебя? Что ты собираешься делать?

Когда мы выберемся отсюда, то окажемся в центре совершенно другой жизни. Но что будет с теми, кого мы оставим? Что будет с Мустафой? Я так беспокоилась о нем, что мысленно всегда оставалась с ним.

– Я сам о себе позабочусь.

Мустафа изображал из себя всезнайку, но не знал, что это на меня не действует. Как друг собирался позаботиться о себе? Он так и не сказал мне, что делал в течение нескольких дней, куда ходил, с кем общался. Поэтому мои переживания лишь усиливались.

– Как? Каким образом ты позаботишься о себе?

Юноша долго смотрел в мои глаза, и на его лице заиграла хитрая улыбка. Слова словно вертелись у него на языке, но не сходили с губ, и я понимала, что он сдерживает себя.

– Я нашел свою семью, Ниса.

Я замерла. Не могла пошевелиться. Мир словно остановился и на мгновение застыл от его слов.

– Что? Что ты сказал?

– Что слышала. – Мое изумление достигло предела, а глаза

расширились. *Как он мог не сказать мне об этом?*

– Когда? Как ты их нашел? Почему мне не сказал?

Я засыпала его вопросами, но Мустафа схватил меня за плечи и заставил успокоиться.

– Потому что еще ничего не решено.

– Ты расскажешь мне все прямо сейчас.

Я вырвалась из объятий, а он покачал головой, давая понять, что не может. *Как Мустафа мог скрыть от меня такое? Почему счел нужным молчать?*

– Не сегодня.

– У нас не будет другой ночи, Мустафа.

Он сжал мое лицо между ладоней. Возможно, я видела его в последний раз.

– Я найду тебя и вернусь. Поверь мне, я сделаю это и все расскажу.

Я обняла его в последний раз, не в силах остановить слезы, побежавшие по моим щекам. Мы оба ненавидели прощания и, когда этот момент настал, не знали, что делать.

– Обещаешь? – прошептала я ему на ухо.

– Обещаю, ворчуня, обещаю.

Он мог быть неуравновешенным, упрямым, вести себя совершенно странно большую часть времени, но я знала, что если Мустафа дает слово, то держит его. Мое сердце немного успокоилось.

– До свидания, – сказала я, вырываясь из его объятий. Мой голос прозвучал печальнее, чем хотелось бы. Я не осме-

лилась обернуться и посмотреть на него снова, идя к зданию детского дома, но услышала его последнюю фразу:

– Береги себя, Ниса.

Когда я вошла в здание и прошла по тихим коридорам, перед глазами ожили воспоминания детства. Мои крики, мой плач, моменты, когда я не слушала госпожу Севду, времена, когда я оставляла домашнее задание в школе, тайком выходила из комнаты с Сенем и шла в сад. Времена, когда мы были еще маленькими и играли с другими детьми. Времена, когда мы повзрослели и стали для младших как старшие сестры... Несмотря на то что я родилась не здесь, я училась жить именно в этом большом доме. Каждый его уголок, даже трещины и выступы на полу, занимали место в моем сердце. Покинуть это место, этот дом, было не так уж просто. Но иногда большая боль влечет за собой и большую ответственность. Это самый важный урок, который я извлекла из жизни за все эти годы. Я собиралась оставить боль позади и покинуть дом, неразрывно связанный с ней.

Когда я поднялась по лестнице и подошла к двери комнаты, где провела столько лет, то увидела, что она закрыта. Я схватилась за ручку и подергала ее, но она была заперта. Мне хотелось кричать и умолять от бессилия: «Откройте дверь, откройте! Моя мама приезжает. Я буду ждать ее. Откройте!»

Скучали ли вы по кому-то, кого не знали и не смогли бы узнать? Благодаря этому дому я узнала, что такое тоска. Я не могла закричать, у меня не было сил, и я тихо осела на

пол перед дверью. Я позволила себе расплакаться. *Слишком поздно. Понимаешь, мама, я уезжаю без тебя. Ухожу в другую жизнь, так и не узнав твой запах. Другие хотят дать мне то, на что ты не решилась. Ты опоздала, мама, слишком поздно.*

Все должно было измениться завтра утром. Завтра утром я шагну в другой мир. Завтра, возможно, я буду плакать в другую подушку. Завтра станет поворотным моментом всей моей жизни.

После завтрака мы в последний раз проверили свои чемоданы и закрыли их. Сенем так волновалась, что постоянно дрожала. Но не я. Печаль и горечь никак не проходили. Когда мы вышли из комнаты, которую госпожа Севда обустроила для нас, я в последний раз оглянулась и посмотрела на длинный коридор. Я знала, что стану скучать по этому месту, но не знала, что буду скучать гораздо сильнее, чем думала.

Когда мы, держа чемоданы, вышли в сад в сопровождении госпожи Севды, я увидела, что почти все ждут нас на улице, несмотря на холодную погоду. Не обратив внимания на ждавшую нас семью Алтун, я спустилась по лестнице и обняла младших. Я обнимала каждого из них по очереди и вдыхала их запахи. Маленькая дочь госпожи Севды Ханан тоже была здесь, она вручила нам с Сенем два небольших подарочных пакета. Когда я открыла свой и увидела внутри браслет, я подхватила девочку на руки и крепко обняла. Я поняла, что буду скучать по ней и по минутам, когда она до-

ставала меня своими уроками, не меньше, чем по госпоже Севде.

Я искала взглядом Мустафу, но его не оказалось рядом. После того что услышала прошлой ночью, я была спокойна. По крайней мере, я знала, что он задумал. Мы с ним попрощались. Сенем же с самого утра жаловалась, что так и не смогла увидеться с ним напоследок. Я бы хотела, чтобы он был здесь.

Когда мы простились со всеми, даже с Тугче, которой мы никогда не нравились, пришло время самого сложного. Нас ждала госпожа Севда. Мои глаза уже слезились, когда Сенем оказалась передо мной и крепко обняла ее. Я была уверена, что мне придется намного сложнее. Госпожа Севда была для нас всем. Нашей сестрой, тетей, подругой, матерью... *Как мы вступим в жизнь без нее? Кто поведет нас? Кто укажет на ошибки и скажет, чтобы мы не глупили? Как мы перенесем разлуку с ней? Она ведь была так терпелива к нам все это время.*

Когда Сенем ушла, я не сдержалась и крепко обняла госпожу Севду за шею. Она была совершенной, самой лучшей матерью, которую я знала. Как только я обняла ее, мне еще больше захотелось остаться. После стольких лет, проведенных вместе, было очень грустно вот так расставаться с любимым человеком. Я чувствовала себя так, словно меня разлучали с мамой. Когда она погладила мои волосы, я поняла, что она тоже плачет.

– Мне так жаль, Ниса, – тихо прошептала госпожа Севда мне на ухо, и я поняла, почему она извиняется. Она помнила тот день так же хорошо, как и я. Как будто это случилось совсем недавно, будто вчера мама оставила меня, а я рыдала и кричала в объятиях госпожи Севды.

– Теперь все кончено. Я выросла, – ответила я сквозь слезы. Когда мы, наконец, отпустили друг друга, я поняла, что все в саду пристально смотрят на нас. Вытерла слезы тыльной стороной ладони и попыталась улыбнуться.

– Ты отвечаешь за эту сумасшедшую, – сказала она, глядя на Сенем и пытаясь улыбнуться в ответ.

Господин Деврим подошел к нам с Сенем вместе с молодым человеком, и они забрали наши чемоданы. Когда перед нами открылись двери роскошного черного автомобиля, я заколебалась, но села. Сенем расположилась рядом со мной, она смеялась и переговаривалась с госпожой Эсмой.

Когда двери закрылись и машина тронулась, я посмотрела в окно на улицу позади себя. Увидев Мустафу, стоявшего возле фонарного столба и курившего сигарету, я искренне улыбнулась и помахала ему рукой. Сенем заметила, куда я смотрю, и взволнованно заерзала на месте.

– Вы можете остановить машину? – вежливо спросила она молодого человека за рулем. Господин Деврим и госпожа Эсма, так же как и я, не поняли, что происходит.

– Что ты делаешь? – спросила я, видя, что подруга собирается выйти.

Когда она сказала: «Я не попрощалась с ним», — я подвинулась и выпустила ее из уже остановившейся машины. Сенем выскочила наружу и побежала к Мустафе. Когда он бросил сигарету, которую курил, на землю, раскрыл руки и обнял Сенем, я опять подумала о том, что буду скучать по нашей дружбе.

— Ты собираешься убить меня, перед тем как уйти, блондинка? — спросил он, а я улыбнулась и продолжила наблюдать за ними. Сенем так крепко обняла Мустафу, что на мгновение мне показалось, что она его задушит.

— Заткнись, — проворчала Сенем и продолжила обнимать его, а я была опустошена тем, что больше никогда не испытаю этих моментов, хотя Мустафа обещал вернуться к нам.

— Береги себя.

— Ты тоже.

Когда они попрощались, Сенем протянула руку и послала Мустафе воздушный поцелуй. А когда мы с Мустафой встретились взглядами, он подмигнул мне и помахал рукой. Сенем вернулась к машине, я открыла дверь и подождала, пока она сядет.

Перед тем как машина снова тронулась, я в последний раз посмотрела на Мустафу и на большой дом, который оставила позади. Дом — это такое сильное слово, которое нужно пропустить через себя, чтобы понять его значение. Дом — это то, что мы всегда храним в своем сердце. Дом — это место, куда мы приходим, когда нам одиноко. Дом — наше единственное

убежище. Этот дом был нашей точкой опоры. Мы отдыхали там, когда уставали. Он эхом отражал наши крики, наш плач, принимал наши улыбки. Мы могли оставить там свое сердце и спрятаться от внешнего мира. Там мы стелили свои постели и доверялись сну.

Прощаться с домом было так тяжело, что казалось, я лишаюсь большей части себя.

Прощание закончилось, мы оказались на дороге, с которой не могли сойти. Это стало нашим настоящим.

Теперь все началось. Теперь мне предстояло встретиться с миром. В свои семнадцать я отправлялась в новую жизнь и в новую семью, которых не знала раньше.

Эта дорога казалась очень длинной и ухабистой. Новая жизнь открывала свои двери, но я совсем не была готова войти в них. Совсем нет!

Глава 4

Иногда вы застреваете на каком-то жизненном этапе. Продумываете ходы, ищете выход, но никак не можете найти. Вы постоянно спрашиваете себя, что делать дальше. Не можете решить, что предпринять в первую очередь.

Если слишком много о чем-то переживать, можно впасть в депрессию.

Иногда я переживала о всяких мелочах, например, о заколках, которыми собирала волосы: «Интересно, не буду ли я выглядеть с этой заколкой глупо?»

Но теперь никакие мелкие переживания не имели абсолютно никакого значения. Сомнения в том, верно ли я поступила, терзали меня. Я чувствовала себя беспомощной и глупой и не знала, правильное ли решение приняла? Я до сих пор не была уверена. Но было уже слишком поздно что-то менять.

Я оказалась в совершенно другом мире и всего в нескольких минутах от того, чтобы узнать, что меня ждет.

По дороге меня мучили разные мысли.

Я так устала, что у меня разболелась голова, и я оперлась на плечо Сенем. Мы ехали долго. Я задремала.

Как долго я спала? В машине стояла такая тишина, как будто вокруг никого не было. Я действительно осталась одна. Но вскоре дверцу распахнула Сенем, она ткнула меня в

плечо.

Я медленно открыла глаза. Боль в шее заставила меня повернуть голову к окну, на которое я облокотилась. Глаза Сенем заблестели, и она сообщила:

– Приехали.

Я попыталась размять шею, вылезла из машины и потянулась. Как давно мы приехали?

Я окинула взглядом улицу, на которой оказалась. Из-за прохладного воздуха меня била дрожь. Я растерла руки, чтобы согреться.

Никогда не думала, что окажусь в таком месте.

Где это мы? Роскошные дома с большими садами вокруг выглядели великолепно, растительности вокруг было столько, что стало понятно: мы где-то за городом.

Такие дома не могли бы находиться в центре города. Улица выглядела уютно, сосны вокруг еще больше украшали ее. Широкая, просторная улица. Она напомнила мне о детском доме.

Госпожа Эсма подошла ко мне, обняла за талию и повела в сторону железной калитки, а Сенем осталась позади. Когда я обернулась, то увидела, что она смотрит в другую сторону.

Игнорируя госпожу Эсму, я направилась к Сенем.

Я не могла понять, чему она улыбается. На что смотрит?

На углу улицы, там, куда смотрела Сенем, появился высокий парень в сером спортивном костюме.

Я видела только его силуэт и не могла разглядеть его лицо.

У него были каштановые кудрявые волосы.

– Ты видела его лицо? – спросила Сенем с придыханием.

Она взволнованно сцепила руки на груди.

Молодой человек все еще стоял к нам спиной на другой стороне улицы.

Она продолжала наблюдать за ним.

Сенем снова вздохнула, опустив плечи, когда я мотнула головой.

– Он так красив, – тихо прошептала подруга, уцепив меня за руку.

Нам не следовало вести такие разговоры при господине Девриме и госпоже Эсме, и я жестом попросила ее замолчать.

Пока Сенем пыталась подавить хихиканье, я старалась не рассмеяться вслед за ней.

Господин Деврим подошел к нам и сделал знак следовать за ним. Мы вошли в сад и направились к дому, выкрашенному в бежевых и голубых тонах.

Я осмотрелась.

Сад оказался огромным, с вымощенными камнем дорожками. Он был разделен на две части. В одной располагался пруд, а в другой клумбы с цветами. Я сразу же заметила гвоздики и почувствовала радость.

Госпожа Эсма прошла впереди нас и открыла дверь.

Навстречу вышел незнакомый нам с Сенем человек и поклонился, мы с господином Девримом последовали за ним.

Мы с Сенем переглянулись.

Нетрудно было догадаться, о чем она думает. О том же, о чем и я.

Это восхитительный дом.

Как только мы вошли, пожилая тетушка встретила нас с улыбкой. Когда я увидела ее морщинистые пухлые щеки, то ничего не смогла поделаться с собой. Я всегда была неравнодушна к старикам. На самом деле.

Госпожа Севда несколько раз водила нас в дом престарелых. Она говорила, что это полезный опыт – посмотреть на то, в какой ситуации оказались эти старики, и сравнить ее со своей. Улыбка на моем лице стала еще шире, когда полный мужчина встал рядом со старушкой. Его взгляд и улыбка казались искренними.

– Госпожа Зехра, наша кухарка, господин Орхан, наш садовник, и их трудолюбивый сын Седат, – господин Деврим представил нам людей, стоящих перед нами. Госпожа Зехра неожиданно подошла к нам с Сенем и обняла.

– О, эти дети станут источником радости в нашем доме, – громко произнесла она. Я улыбнулась ее акценту и ответила на объятия. Жители черноморского побережья почему-то всегда казались мне искренними и душевными, возможно, теплота их диалекта заставляла меня так думать. Госпожа Зехра выглядела такой любящей женщиной, что я подумала, что быстро привыкну к ней и к этому дому. Когда она отошла от нас, я пожала руку господину Орхану и его сыну Се-

дату. После того, как Сенем поздоровалась с помощниками нашей новой семьи, воцарилась тишина.

Эта тишина с каждой секундой заставляла меня нервничать все больше и больше. Поэтому я оторвала взгляд от стоящих передо мной людей и начала обходить дом. Внутри он был так же прекрасен, как и снаружи. Деревянная лестница, ведущая на верхние этажи, располагалась в середине холла. Правая ее сторона вела в длинный коридор, а левая – к дверям в сад. Пока я с любопытством осматривала другие части дома, к нам подошла госпожа Эсма. Она взяла нас с Сенем под руки и повела к лестнице.

– Давайте покажем девочкам их комнаты, – предложила она, и господин Деврим подошел к нам, одобрительно кивая. Поднимаясь по лестнице, я оглянулась и увидела, что Зехра и Охран уже исчезли. Видимо, они были очень преданы своей работе.

Когда мы оказались на втором этаже, госпожа Эсма остановилась перед комнатой с деревянной дверью. Улыбаясь, она открыла ее. Мы вошли, и мне показалось, что я попала в рай. Толстые книги заполняли стоявшие вдоль стен шкафы, словно подмигивая мне. Я умирала от желания взять каждую из них в руки, рассмотреть, понюхать и перевернуть страницы одну за другой.

– Это библиотека. Здесь обычно хранятся книги, которые мы читаем, но вы можете заниматься тут и делать домашние задания, если захотите. Вы также можете брать книги и чи-

тать их в любое время.

Пока господин Деврим говорил это, я думала о том, что никогда не покину это место. Они могли бы запретить меня в этой комнате. А я могла бы жить в ней вечно.

Госпожа Эсма оставила дверь библиотеки открытой и повела нас в другую сторону. Я последовала за ней, не издав ни звука. Господин Деврим обнял нас с Сенем за плечи, а госпожа Эсма тем временем открыла еще одну дверь.

– Это комната Сенем, – сообщила она, и я с восхищением осмотрела тщательно подготовленную комнату в сиреневых тонах. По взгляду Сенем я поняла, что она находится под таким же сильным впечатлением, что и я. Подруга с самого детства любила сиреневый. Она всегда искала вещи такого цвета, и ее новую комнату оформили в точном соответствии с ее вкусом. Шкаф, постельное белье, даже маркеры на столе были сиреневыми.

– Это место прекрасно. Большое спасибо, – поблагодарила Сенем. Когда госпожа Эсма подошла к ней и крепко обняла, она ответила ей тем же. Госпожа Эсма смотрела на Сенем как на родную. Я чувствовала это, потому что сама находилась здесь лишь по воле случая.

– Теперь давайте пройдем в комнату Нисы. – Господин Деврим повел нас за собой. Я посмотрела на Сенем и увидела, что она взволнована не меньше меня.

Мы поднялись выше, и у меня живот свело от волнения. Так случалось почти всегда, когда я была взволнована или

напугана.

На последнем этаже дома находилось всего две комнаты. Пока господин Деврим вел меня к комнате, расположенной справа по коридору, я с любопытством рассматривала другую, оставшуюся позади меня. Она заинтересовала меня потому, что ведущая в нее дверь была черной. Зачем красить дверь в черный?

Господин Деврим открыл мою комнату, я громко выдохнула и затаила дыхание.

Просто потеряла дар речи. Даже не думала, что увижу подобное. Если бы я когда-нибудь и представила себе комнату молодой девушки, то она могла бы выглядеть только так. В центре комнаты стояла белая кровать с большой кожаной спинкой, увенчанная светло-зеленым покрывалом. Рядом – прикроватные тумбочки. Солнечные лучи проникали в комнату через небольшое окно в стене и огромное окно в верхней части потолка. Это было невероятно.

Я не находила слов, чтобы выразить свою благодарность. – Госпожа Севда рассказала нам, что тебе очень нравятся чердаки и фисташковый цвет. И, хотя это не чердак, мы очень хотели, чтобы тебе понравилось. – Я слушала госпожу Эсму и продолжала разглядывать все эти великолепные детали.

Эти люди приложили немало усилий, чтобы доставить мне удовольствие.

Я должна была быть благодарной. Мне невообразимо по-

везло, что я оказалась здесь.

— Мы не планировали заводить вторую дочь, но, когда ты поехала с нами, то стала частью нашей семьи. Мы хотим, чтобы ты поняла, что здесь ты дома. Хотим, чтобы ты это почувствовала. — Господин Деврим с озорством посмотрел на меня и щелкнул по носу.

Не в силах сдержать глупую улыбку, я открыла было рот, но не смогла связать и двух слов.

— Я не знаю, что сказать. Все так прекрасно, благодарю вас... — Мой голос дрожал, я даже заикалась. Господин Деврим обнял меня, и я впервые ощутила то чувство, которого жаждала долгие годы.

Я поняла. Это было ощущение детства. Заботы.

Привыкнуть к отсутствию мамы было несложно. Я видела ее всего один раз.

И я ненавидела ее всю свою жизнь за те пытки, через которые она заставила меня пройти.

Но любовь отца — это иное. Когда ребенок падает, отец помогает ему подняться, и так происходит каждый раз. Отец защищает и оберегает своего ребенка.

Я осознала, что, если позволю господину Девриму стать мне отцом, у меня появится чувство защищенности.

Я не могла перестать улыбаться. Госпожа Эсма, должно быть, поняла мои чувства, потому что она нарушила тишину и спросила, чем мы хотим заняться. Сенем ответила, что сначала посетит сад, а потом отправится в свою комнату раз-

бирать вещи, и взрослые посмотрели на меня. Пытаясь взять себя в руки и совладать с эмоциями, я расправила плечи.

– Сейчас распакую свои вещи, а после, если вы не возражаете, я бы хотела принять душ.

Я сказала об этом очень нерешительно, но мне действительно требовалось помыться. Пока мы ехали сюда, я сильно вспотела из-за жары в машине, и мне хотелось поскорее избавиться от чувства липкости.

– Не волнуйся. Я скажу Седату, чтобы он включил горячую воду на этом этаже. Чистые полотенца и все необходимое есть в шкафу в ванной комнате.

Если бы госпожа Эсма не упомянула об этом, я бы даже не поняла, что в комнате есть ванная. Подумать только, собственная комната с собственной ванной! Это был не дом, а рай.

Когда госпожа Эсма и господин Деврим оставили меня с Сенем в этой просторной комнате, я уставилась на огромный чемодан, который непонятно когда успели принести сюда. Когда я наклонилась и расстегнула молнию, первым, что я увидела, стала книга, которую подарил Мустафа. Я взяла ее в руки и погладила обложку. Может быть, в последнее время между нами не все складывалось хорошо, но разлука с ним далась мне непросто. Я уже по нему соскучилась. Как он? Что делает? Он в детском доме или продолжает искать свою семью? Мне было очень любопытно. Как бы далеко я ни уехала, часть моей души оставалась с ним.

Я продолжила распаковывать вещи, и меня снова охватила радость. Все в комнате было зеленого цвета. Ее обставили в разных оттенках так же, как комнату Сенем в оттенках сиреневого. Возможно, мой любимый цвет был не таким уж красивым, но госпожа Севда и Сенем лучше всех знали о моей одержимости зелеными тонами.

Поставив нашу с Сенем детскую фотографию на прикроватную тумбочку, я повесила одежду на вешалки и убрала ее в шкаф. Там же я обнаружила несколько комплектов нижнего белья и платьев. Их было немного, но мне стало очень приятно.

Закончив с одеждой, я засунула чемодан под кровать и принялась расхаживать по комнате. Я уже читала большинство романов, стоявших на книжной полке. Когда увидела любимые циклы на полках, то поняла, что здесь не обошлось без участия госпожи Севды. Взяв в руки «Красавицу и Чудовище» и погладив ее обложку, я еще раз подумала о том, сколько всего будет напоминать мне о жизни в детском доме. Я не могла забыть это место. Если бы хоть на мгновение подумала о том, что забыла, откуда родом, то никогда себе этого не простила. Тогда бы я потеряла часть себя.

Я чувствовала себя бабочкой, выпорхнувшей из кокона, впереди меня ждала новая, наполненная красками жизнь.

Вернув книгу на полку, я подошла к окну и отдернула плотную штору. Я думала, что увижу сад, но окно выходило на другую улицу. Дома на ней выглядели такими же рос-

кошными, как и наш, но мое внимание привлекла другая деталь. Перед дверью двухэтажного дома с большим садом стоял черный «Шевроле Импала». С восхищением рассматривая кабриолет, я удивилась, что такие старые модели все еще продаются. «Они, должно быть, стоят целое состояние», – подумала я. Хотя на этой улице, полной роскоши, такая машина не слишком бросалась в глаза.

Закрыв шторы, я подошла к шкафу и вытащила одежду, которую собиралась надеть после душа. Когда я, не теряя времени, вошла в ванную, то усмехнулась, увидев на полу маленький зеленый коврик. Может быть, стоило, наконец, отбросить все дурные мысли и начать наслаждаться жизнью. Пока все шло хорошо. Так почему бы просто не порадоваться, верно?

Я включила воду и, пока она грелась, думала о том, что господин Деврим действительно заставил меня почувствовать себя частью семьи. Взяв банный халат из шкафа в ванной и повесив его на вешалку за дверью, я разделась и встала под душ.

Я не хотела купаться долго, хотя теплая вода успокаивала тело и тревогу в душе. Я не хотела выглядеть вялой перед новой семьей. Накинув халат, я обернула волосы полотенцем и вышла из ванной. Мне стало немного холодно. Я присела на край кровати и посмотрела на часы. Прошло несколько часов с тех пор, как я приехала сюда. Поскольку был конец января и быстро темнело, а меня никто не звал, я подума-

ла, что мне нужно переодеться и спуститься вниз. Когда я снова направилась в ванную, чтобы высушить волосы, меня остановил крик. Спор двух мужчин был настолько громким и эмоциональным, что я не смогла удержаться и выглянула в окно. Из двери дома напротив вышел молодой человек, лица которого я не видела из-за темноты. Я не могла определить его возраст, но, когда следом за ним появился мужчина явно старше, подумала, что это, скорее всего, отец и сын.

– Я купил этот дом не для того, чтобы ты убегал туда каждый раз, когда у тебя проблемы!

Крик мужчины разнесся по всей улице, а молодой человек взъерошил волосы.

– Оставь меня в покое. Я не собираюсь больше слушать тебя.

По тону его голоса я поняла, что молодому человеку не так уж много лет. Возможно, он был старше меня всего на несколько лет. Мужчина постарше спросил:

– Так вот как ты собираешься решать свои проблемы? – Я не просто отодвинула занавеску, чтобы лучше слышать разговор, но и открыла само окно, несмотря на зимний холод.

– Кто сказал, что я хочу что-то решать?

– Ты расстраиваешь свою маму. Немедленно вернись в дом!

– Я не пойду! Отныне моей ноги не будет в этом доме. Понял?

– Тогда делай что хочешь!

– Разве это не то, чего ты хотел?

Взрослый мужчина вошел в дом и с силой хлопнул дверью. Молодой человек вышел из сада, подошел к «Импале» и прислонился к ней спиной. Я не видела его лица, но поняла, что он сердито провел руками по волосам. Я не знала, почему наблюдаю за ссорой совершенно незнакомых мне людей, но не могла подавить любопытство. Почему я не отошла от окна? Почему продолжала наблюдать?

Какое мне дело до чужих семейных ссор? Я уже дрожала от холода и собиралась закрыть окно, когда новый крик остановил меня.

Я закатила глаза, увидев, как молодой человек стал пинать колеса машины, словно желая сломать их, и закричал:

– Будь ты проклят! Я ненавижу тебя, ублюдок!

Чувак, ты злишься, но чем виновата машина? Она же стоит целое состояние! Он поднял голову, еще раз взъерошив волосы руками, и я смогла разглядеть его лицо. Выдохнув, юноша поплотнее закутался в куртку и посмотрел в небо. Он повернул голову, и наши взгляды встретились. Я не могла отвести от него глаз, несмотря на смущение. Когда он заметил меня, то перестал хмуриться и улыбнулся. «Может быть, – подумала я, – у него биполярное расстройство или что-то в этом роде?» Когда его ухмылка постепенно перешла в улыбку, я задумалась о том, что же его так развеселило. Он помахал мне и поднял большой палец вверх. Я не поняла, что он имел в виду. Заметив мое недоумение, он показал на

меня пальцем. *Черт! Я высунулась в окно в халате! Этот парень видел меня в халате!*

Случается, что вы делаете что-то, чего не следовало, а после проклинаете себя снова и снова? Это как раз такая ситуация.

По-другому и не скажешь. Я хотела провалиться сквозь землю. Не помню, чтобы когда-нибудь чувствовала такое унижение. Кто в здравом уме станет высовываться из окна в такой холод? Я, например. Отсутствие мозгов и любопытство подтолкнули меня к этому. Ко всему прочему, этот парень увидел меня. О, я хотела умереть! Даже ребенок мог бы понять, что в таком состоянии нельзя подходить к окну. Почему мне стало так любопытно? Какое мне было дело до того, кто там кричит? Пусть бы они делали то, что хотели, пусть бы кричали так громко, как им вздумалось бы, и даже разрушили бы свой дом. Какое я имела к этому отношение?

«Импала» завелась, я отошла от окна и прошлась по комнате. *Возможно, я ошиблась. Может быть, этот парень и не рассмотрел меня. В конце концов, не только у семьи Алтун дом в этом районе. Надежда – это хлеб бедных, как говорится. Ради бога, кого я обманываю? Да, в этом районе много домов, но это другие дома.* Я села на кровать и сняла полотенце с головы. Почему я подошла к окну в таком виде? Кто знает, что он подумал обо мне. Дура? Извращенка? Любопытная? Ребенок? Меня вдруг взбесила его ухмылка.

Мне следовало как можно скорее избавиться от халата,

чтобы он не напоминал о моем унижении каждую секунду, пока я в нем. Быстро надев чистое белье и подготовленную одежду, я, не теряя времени, высушила влажные волосы полотенцем и собрала сверху. Если я так не делала, они становились пушистыми и выглядели неопрятно.

Мне не хотелось оставаться в комнате, поэтому, убрав мокрые полотенца в ванную, я направилась на поиски Сенем. *Интересно, в каком она состоянии?* Мы годами жили в одной комнате, делили все поровну, и мое нынешнее удивление казалось странным.

Выйдя в коридор, я задрожала от холода, охватившего тело, и разозлилась на себя за то, что не оделась теплее. Когда я подошла к перилам лестницы, черная дверь комнаты напротив снова привлекла мое внимание. Я отступила на шаг, сменила направление и пошла в ее сторону. Я проклинала себя за любопытство, которое могло принести мне неприятности.

Я опустила ручку и со скрипом открыла дверь, темнота комнаты заставила меня насторожиться. Я нащупала рукой выключатель, и флуоресцентная лампа включилась с характерным звуком, таким, как будто ею давно не пользовались. Я поперхнулась от увиденного. Это была комната молодой девушки, такая же тщательно обставленная, как и наши с Сенем. Деревянные столы, шкафы, книги, тонкий балдахин над круглой кроватью – все говорило о том, что это место принадлежало кому-то очень особенному.

Продолжая осматривать комнату, я поймала себя на мыс-

ли, что госпожа Эсма и господин Деврим не случайно не показали ее нам. Она представляла собой запретную зону, и мне стоило обратиться отсюда как можно скорее. Я уже направилась к выходу, когда мое внимание привлекла фотография. Я взяла ее в руки, чтобы рассмотреть. Увиденное ошеломило меня. Кто эта красивая белокурая девушка в объятиях господина Деврима и госпожи Эсмы? Она улыбалась так искренне, так тепло, что на мгновение я позавидовала ее красоте. Когда увидела такие же улыбки в глазах господина Деврима и госпожи Эсмы, которые крепко обнимали ее, я поняла, что они ни разу не улыбались так нам за то короткое время, что я их знала. С горечью в сердце я рассмотрела девушку на фотографии чуть внимательнее. Почти моя ровесница, светлые волнистые волосы, зеленые глаза, которым можно позавидовать. Я вдруг поняла, что эта девушка напоминает мне кого-то очень знакомого... Сенем.

– Наша дочь, Гюлькан.

Я уронила фотографию от неожиданности. Не слышала, как госпожа Эсма пришла сюда. Она подошла очень тихо.

– Госпожа, я прошу прощения. Я просто хотела осмотреться, мне стало любопытно, и я оказалась здесь. Мне очень жаль.

Мой голос дрожал от страха, я подняла рамку, которую уронила на пол. И только теперь поняла, что сказала госпожа Эсма. Их дочь? Отведя от меня взгляд, она взяла фотографию из моих рук и поставила на прежнее место.

– Вы не говорили нам, что у вас есть дочь.

Мои слова прозвучали как обвинение, и я тут же пожалела о сказанном. *Если у нее есть дочь, почему мы здесь? Странно, что госпожа Севда не сказала об этом ни мне, ни Сенем.*

– Потому что ее больше нет с нами.

Лицо госпожи Эсмы стало грустным, и я поняла, что подняла тему, которую не стоило.

– Она умерла от тяжелой болезни два года назад.

В моем горле образовался комок, и теперь я проклинала свое любопытство.

Я с самого начала видела горе в глазах госпожи Эсмы. Потеря ребенка – это невосполнимо. Я разбередила рану в ее душе.

– Мне очень жаль. Я соболезную вам.

Мои руки все еще дрожали, и госпожа Эсма притянула меня к себе и усадила на деревянный стул. Я не могла смотреть на ее лицо от стыда.

– Все в порядке, моя дорогая. Нельзя грустить всю жизнь.

Глядя на счастливую семейную фотографию на полке, я подумала о том, как это несправедливо, что девушка, которая казалась такой полной жизни, умерла. У нее должно было быть много планов и мечтаний, которые она могла бы осуществить.

– Она и Сенем похожи. Вот почему вы захотели забрать ее, верно?

Искренне улыбнувшись в ответ на мой вопрос, госпожа

Эсма одобрительно кивнула.

– Не только физически, их характеры также похожи. Когда ты под дождем бежала к детскому дому, я задумалась: кто может так весело смеяться? Я наблюдала за вами. Когда вы смеялись, не заботясь ни о чем вокруг, вы были так полны жизни, что мне показалось, будто я снова вижу перед собой дочь. В тот короткий миг, когда я увидела Сенем с тобой, мне показалось, что моя Гюлькан снова жива. Как будто она с нами, но ее душа теперь в другом теле.

Услышав слова госпожи Эсмы, я еще раз осознала кое-что.

– Гюлькан была на несколько лет старше тебя, когда умерла. Она училась на втором курсе университета и изучала сестринское дело. Она мечтала работать на своего отца.

Госпожа Эсма рассказывала о своей дочери с такой тоской, что я не смогла сдержать слез. Несмотря на то что Сенем хотела, чтобы я осталась с ней, я была лишней в этом доме. Эта семья хотела, чтобы Сенем помогла им пережить потерю дочери, облегчила боль, а я нарушила их планы. Мне не следовало приезжать сюда и вмешиваться в их жизнь. Это была большая ошибка, и я поняла это слишком поздно.

– Вам не следовало забирать меня, госпожа Эсма. Мне очень жаль, что вам пришлось сделать это из-за Сенем.

Госпожа Эсма встала передо мной на колени, не заботясь о своем платье. Взяв меня за подбородок и заставив посмотреть на нее, она вытерла мои слезы.

– Никогда не думай так. Так же, как я нашла частички Гюлькан в Сенем, Деврим точно так же нашел их в тебе. Ты такая добросердечная, такая заботливая. Я бы чувствовала себя очень виноватой, если бы позволила тебе остаться там. Я знаю, что ты отказалась от Сенем только для того, чтобы она не грустила и была счастлива. Госпожа Севда рассказала нам, что ты очень самоотверженная девушка, и она права. Этой своей стороной, своей наивностью ты очень похожа на Гюлькан. Я удивилась, когда Деврим рассказал мне о тебе, я даже не хотела в это верить, но ты действительно такая, Ниса.

Выслушав госпожу Эсму, я снова посмотрела на ту прекрасную девушку на фотографии. Несправедливо, что она умерла. Почему она попрощалась с миром, не успев насладиться жизнью?

– Госпожа Севда сказала нам, что господин Деврим был очень хорошим врачом в своей области. Почему он не мог спасти дочь?

Госпожа Эсма встала, вздохнула. Возможно, своими вопросами я переходила границы дозволенного и еще больше расстраивала ее.

– Когда мы обо всем узнали, было уже поздно. Гюлькан некоторое время скрывала свою болезнь, она не хотела волновать нас. Деврим подозревал, что что-то не так, но наша дочь оказалась настолько убедительна и скрытна, что заставила даже отца поверить, что она здорова. Деврим не смог

смириться с тем, что упустил болезнь дочери.

Я встала со стула, поняв, что не хочу больше оставаться в этой комнате. Чувство вины за то, что я узнала обо всем этом, когда рана еще не затянулась, захлестнуло меня. Мое любопытство не привело ни к чему хорошему.

Пока я извинялась перед госпожой Эсмой за свое неподобающее поведение, она лишь проявляла понимание и старалась успокоить меня. Ее боль наверняка была очень сильной, но она справлялась с ней.

– Всемогуший Господь забрал у меня дочь, но дал мне двух прекрасных ангелов. Я положу жизнь и сделаю все, чтобы вы были счастливы. Вы можете быть уверены. Хорошо, детка?

Я посмотрела в глаза госпожи Эсмы и действительно почувствовала это. Несмотря на сильную боль в сердце, эта женщина была рядом с нами. Ее глаза сияли. «Может быть, – думала я, – со мной исчезнет пустота в этом доме, а мои сомнения исчезнут вместе с ней, пусть и не сразу». Госпожа Эсма потеряла родного ребенка, но была готова полюбить чужих детей. Я улыбнулась или попыталась улыбнуться, и она обняла меня еще крепче, как мать. Госпожа Эсма гладила мои волосы, целовала, а потом засмеялась.

– Зехра, наверное, накрыла на стол. Пойдем вниз. – Я выскользнула из ее объятий и вышла из комнаты. Мне повезло, что госпожа Эсма была со мной, когда мы спускались по лестнице. Мне не пришлось говорить о своей фобии.

Перед ужином я осмотрела другие комнаты дома, те, которые еще не видела. Гостиная оказалась довольно большой и просторной. Я ожидала увидеть обычные кресла в классическом стиле, но обнаружила современные кожаные. Витрина и столик для телевизора в черном цвете гармонировали с ними.

Увидев, что я спустилась вниз с госпожой Эсмой, господин Деврим оставил папки, которые держал в руках, на журнальном столике и подошел к нам. Тем временем Сенем появилась у обеденного стола с фарфоровым горшком в руке. Поставив его на стол, она открыла крышку и вдохнула запах еды, который, как я догадывалась, был восхитительным. Я смотрела на стол и думала о том, как мы все это съедим.

Я заняла свободный стул рядом с Сенем, и Зехра наполнила наши тарелки. Все блюда выглядели аппетитно, и я не знала, с какого из них начать. Мое любимое блюдо – манты – стояло в центре стола!

Сняв запонки со своей белой рубашки и усевшись за обеденный стол, господин Деврим спросил, как мы разместились в комнатах. Наши с Сенем ответы порадовали его и госпожу Эсму, и разговор перешел на тему покупок и паспортов. Господин Деврим сообщил нам, что госпожа Эсма собирается отвезти нас за покупками завтра. Мы могли бы довольствоваться тем, что имели, и не покупать ничего нового. Не было необходимости отправляться за покупками, как только мы приехали. Я сказала об этом остальным, и все вне-

запно устремили свои взгляды на меня. Госпожа Эсма ответила, что уважает мое мнение, но все же хочет приобрести необходимое. Она говорила о мобильных телефонах и ноутбуках. Я хотела возразить, но мне пришлось проглотить свои слова, потому что я не хотела никого обидеть.

– Когда вы полностью обустроитесь, я запишу вас в частную школу. Она одна из лучших здесь.

Когда господин Деврим сказал это, я уронила вилку на фарфоровую тарелку, раздался звон.

– Частная школа?

Мы с Сенем произнесли это одновременно и уставились друг на друга, а госпожа Эсма улыбнулась нашей растерянности. Заметив нашу неловкость, господин Деврим отложил ложку на край своей тарелки, посмотрел на нас и пояснил:

– Госпожа Севда сказала, что вы обе очень умные. Также я посмотрел ваши табели успеваемости и подумал, что это наилучшее решение.

Мои знания о частных школах ограничивались тем, что я видела по телевизору. Может быть, реальная жизнь отличалась от этого, может быть, все это было лишь плодом чьего-то воображения, но то, что я видела в фильмах, всегда пугало меня. Богатство, люди, склонные к сплетням, снобы, демонстрирующие свое превосходство, – это не сулило ничего хорошего. Расположение и внешний вид школы никогда не имели для меня значения, и я никогда не думала, что могла бы учиться в подобной школе.

– Вам не кажется, что это слишком? Мы можем пойти в обычную анатолийскую среднюю школу.

Госпожа Эсма и господин Деврим обменялись взглядами, а Сенем, сидевшая рядом со мной, сильно ущипнула меня за ногу. *Что с ней происходит? Я думаю о нашем будущем и не собираюсь забывать, откуда мы пришли. Мы не подходим для частной школы.* Зеленые глаза Сенем смотрели на меня, как бы говоря: «О чем, черт возьми, ты говоришь?»

– Вы находитесь в середине пути и переживаете очень сложный период. Я не хочу, чтобы вы ходили в обычную среднюю школу и испытывали трудности, но, если тебе тревожно от этого, конечно, я могу посмотреть анатолийские средние школы поблизости. Но должен сказать, что эта школа – действительно хорошее учебное заведение. Дети многих моих друзей уже окончили ее, и я не слышал ни одной жалобы ни от одного из них.

Пока господин Деврим говорил, пытаясь переубедить меня, Сенем снова сильно ущипнула меня за ногу. Она даже не дала мне открыть рот и возразить.

– Я думаю, вы приняли верное решение. Это действительно хорошо для нас. Не так ли, Ниса?

Сенем вынудила меня согласиться. Когда она подняла брови и посмотрела мне в глаза, я неохотно кивнула, не издав ни звука. Господин Деврим и госпожа Эсма вернулись к своим тарелкам, а я задумалась над тем, что за ерунду несет Сенем. Почему она так поступает? Конечно, нам стоило пой-

ти в хорошую школу, но частная школа – это слишком для нас. Я видела, что Сенем очень хочет этого, но мне это казалось неправильным. Я не собиралась подводить ее, но хотела, чтобы она объяснилась.

– Надеюсь, ты не слышала ссоры, Ниса. Мы забыли, что за дом находится напротив твоего окна.

У меня перехватило дыхание, и я закашлялась.

– Какой ссоры? – с любопытством спросила Сенем, и я почувствовала, как мое лицо запылало. Я с трудом сдерживала чувства.

– Один из наших соседей постоянно ссорится со своим сыном. Никто не знает почему. Но я знаком с мальчиком лично и могу сказать, что, хотя он кажется немного дерзким, на самом деле он дружелюбный и открытый парень.

Немного дерзкий, мистер Деврим? Я думаю, что выражение «немного дерзкий» недостаточно точно описывает этого парня. Я не заметила в нем ничего даже отдаленно похожего на дружелюбие. Он почти уничтожил свою машину, идиот. Он казался безжалостным. Когда я вспоминала тот ужасный момент, то снова почувствовала злость и стыд.

– В каждой семье есть свои проблемы, – сказала я.

– Если хочешь, мы можем завтра поменять тебе комнату и перенести все на нижний этаж, – предложил господин Деврим.

Я подумала, что это очень хорошая идея, но, если соглашусь, обесценю усилия этих людей.

– В этом нет необходимости. Вы так старались, не стоит ничего менять. Мне очень нравится моя комната.

Господин Деврим улыбнулся моим словам.

После окончания трапезы мы с Сенем и госпожой Эсмой вместе помогали Зехре убирать со стола. Кухня в доме была такой же современной, как и другие его части. Я залюбовалась горшками с фиалками, украшавшими подоконники, и полила их. Оказалось, что это растения Зехры.

Когда мы закончили на кухне, госпожа Эсма взяла нас с Сенем за руки и повела в гостиную. Она рассказала Сенем о Гюлькан. Хотя Сенем сначала не могла поверить в то, что слышала, она отреагировала спокойнее, чем я. Вскоре господин Деврим присоединился к нам, и мы даже не заметили, как пролетело время.

Мы засиделись допоздна, и госпожа Эсма отправила нас в наши комнаты, сказав, что завтра ждет насыщенный день. Никто из нас не издал ни звука, пока мы поднимались по лестнице. Проводив Сенем в ее комнату, я отправилась наверх, вошла в свою комнату и улеглась в кровать.

Сон не шел. Я пыталась заснуть, но мысли в голове не давали сделать это. Я подумала, что книга, которую подарил Мустафа, немного отвлечет разум, но этого не случилось. Я не смогла заснуть.

С тех пор как я погрузилась в чтение книги, Мустафа ни на минуту не выходил у меня из головы. Ему следовало подарить ее Сенем, а не мне. Она должна была узнать о его

чувствах. Я не знала, что такое любовь. Никогда не испытывала ничего подобного. Но не Мустафа. Разговаривая с Сенем, он часто отводил глаза, будто боялся, что она поймет его чувства. Но Сенем не походила на героиню книги, она собиралась жить новой богатой жизнью. Оба эти идиота были совсем не похожи на Декстера и Эмму, скорее противоположны им. Сенем ненавидела отчаяние и безнадежность. Она боролась, не теряя надежды, и добилась своего. Эмма в книге была не такой. Она поддавалась эмоциям. Она отказалась от всего, даже от мужчины, которого любила.

А Мустафа, в отличие от Декстера, слишком медлил. Он не стремился к богатству, не желал его, но своими руками толкнул нас в новую жизнь. И все же ему стоило отдать книгу Сенем. В конце концов, Мустафа был влюблен в нее, а не в меня, а эта книга рассказывает о тайной любви двух друзей друг к другу.

– Можно я войду?

Я так увлеклась книгой, что не заметила, как открылась дверь в мою комнату и появилась Сенем. Видимо, она тоже не могла уснуть.

– Входи, конечно.

Она улыбнулась, тихо закрыла дверь, подбежала и запрыгнула на мою кровать.

– Что ты делаешь?

Я помахала книгой в ответ на ее вопрос.

– Когда ты это купила? – спросила Сенем, выхватив книгу

у меня из рук и начав нюхать страницы. Мы обе так делали. Будь то старые или новые книги, мы любили вдыхать запах их страниц.

– Я не покупала ее, это подарок Мустафы, – объяснила я, а Сенем, положив книгу на тумбочку, забралась под одеяло. По выражению ее лица я сразу поняла, что ей грустно. Я выжидающе смотрела на подругу и ждала, пока она заговорит.

– Мы оставили его одного. Интересно, чем он сейчас занимается? Как он? Знаешь, в последнее время мы не слишком хорошо общались, я была очень равнодушна к нему. Мне просто не по себе.

Сенем и Мустафа действительно отдалились друг от друга. Отчасти это объяснялось отчуждением Мустафы от нас, а не поведением Сенем. После того Нового года, который мы провели вместе, отношения между нами навсегда изменились.

– Я тоже беспокоюсь о нем, – ответила я, похлопав подругу по плечу и пытаясь поддержать.

– Ему грустно без нас. Я даже не видела его в последние дни, он не приходил в школу, идиот.

Когда Сенем снова заговорила об этом, мне захотелось поделиться с ней секретом, который рассказал мне Мустафа. Она имела право знать, и это могло немного утешить ее.

– Потому что он нашел свою семью, Сенем, – сказала я.

– Что?! – Она чуть не упала с кровати от удивления.

Крик эхом отдавался в комнате, и я зажала подруге рот

руками, чтобы она замолчала.

– Мустафа искал свою семью и нашел ее. Это все, что он мне сказал. Это главная причина, по которой он не ходил в школу в последнее время.

– Я не верю. Ты мне об этом не рассказывала, – протянула Сенем, немного успокоившись, и зарылась головой в подушку. – Может быть, сегодня заночуем вместе? Я еще не привыкла к комнате без тебя.

Я одобрительно кивнула.

Шли минуты, и никто из нас не издавал ни звука. Мы лежали и смотрели на тучи в небе через большое окно прямо над кроватью. Заснуть не получалось.

– Как думаешь, что будет дальше, Ниса? – спросила Сенем, и я поняла по ее тону, что подруга волнуется. Хотела бы я знать ответ. Хотела бы сказать что-то, что успокоило бы ее.

– Я не знаю, – просто сказала я. Потому что действительно не знала. Не знала, правильные ли решения мы приняли, правильный ли выбор сделали. Все так запуталось. Еще на прошлой неделе между нами состоялся совсем другой разговор. – Ты помнишь, что сказала в ночь перед тем, как семья Алтун согласилась удочерить меня?

Сенем подняла брови, как будто смутилась, и отрицательно покачала головой.

– Нет, не помню. Что я сказала? – Я хихикнула. Было забавно, когда она говорила таким серьезным тоном.

– Ты сказала, что бог дает мне шанс. Знаешь, иногда мне

кажется, что это ты ответственна за эти чудеса в нашей жизни.

Я смеялась над ней, и Сенем, поняв это, закатила глаза и отвернулась. В чем же дело? То, о чем мы даже мечтать не могли, вдруг стало реальностью.

– Заткнись, – бросила Сенем, когда я попыталась снова заговорить с ней, а затем сказала: – Я сплю. – И натянула на себя одеяло. Прошло не больше нескольких минут, прежде чем она заставила меня начать беспокойно ворочаться.

– Ниса? – пробормотала подруга, отбрасывая одеяло и перебираясь на другую сторону кровати. И что пришло ей в голову в такое время? – Ниса? – Она усмехнулась, когда я сонно заворчала в ответ. *Над чем она смеется?* – По крайней мере, мы поступим в эту школу и будем тусоваться с крутыми ребятами.

Я взяла подушку и положила Сенем на лицо, а она заскулила и, выбравшись, отодвинулась в сторону.

– Я не забыла, как ты щипалась за столом, – я напомнила подруге о том, что она сделала, и тоже ущипнула ее. Хотя она почувствовала боль, замолкать явно не собиралась. Я не понимала, что ее так взволновало, мы просто шли в школу, вот и все.

– Да ладно, разве мы не заслужили немного веселья? Красивые мальчики, форма с короткой юбкой, сплетни и все такое...

Приоткрыв один глаз, я взглянула на Сенем, как бы спра-

шивая, серьезно она говорит или нет.

– Частные школы выглядят круто только в сериалах, Сенем. В реальной жизни такого не бывает. И можно носить брюки. Так что заткнись и спи.

Я сказала это не для того, чтобы досадить ей, а чтобы подруга вернулась к реальности. Я не хотела, чтобы Сенем так легко увлеклась. Иначе она могла обжечься.

– Тебе обязательно отговаривать меня?

В ответ я молча выключила ночник на прикроватной тумбочке.

– Я не собираюсь снова уговаривать тебя спать, – все же сказала я, и подруга сдалась. Перевернувшись на бок, натянула на себя одеяло и закрыла глаза. Улыбаясь, как будто одержала победу, я опять попыталась заснуть.

Проходили минуты, но сон все не шел. Я взглянула на часы и разволновалась от того, что не сплю в такой поздний час. Сенем спала уже несколько часов, но я все еще бодрствовала. Она, в отличие от меня, всегда быстро засыпала. Возможно, я не могла уснуть из-за того, что оказалась в новом месте. Несмотря на то что Сенем была рядом, сильное беспокойство внутри не исчезало. Я взяла книгу с прикроватной тумбочки, направилась к шкафу, чтобы поставить ее, и мои мысли снова вернулись к Мустафе. Он никогда не спал в эти часы, особенно в праздники. Он шел в беседку, садился на скамейку и курил сигарету, глядя на небо. Быть далеко от него оказалось очень тяжело. Несмотря на то что он

обычно читал мне нотации и учил меня радоваться жизни. Поставив книгу на полку, я стала мечтать о том, чтобы поскорее заснуть.

Мне вдруг стало жарко, страх сдавил горло, и я подошла к окну, чтобы остыть и отдышаться. Отодвинув занавеску и открыв окно так, чтобы не задеть Сенем, я вдохнула прохладу ночного воздуха. Это ощущалось так приятно.

Улица казалась абсолютно безлюдной. Только шум воды – возможно, в бассейне – из сада дома напротив достигал ушей. Я закрыла глаза, полностью замороженная этим. Но не прошло и нескольких минут, как тишину нарушил гул автомобиля. Когда я увидела черную «Импалу», не могла не закатить глаза.

Я попыталась подавить страх, когда машина остановилась. Этот страх был абсолютно иррационален. Я не стала закрывать окно или возвращаться в постель.

Я продолжила наблюдать.

Ни один из нас не извлек урок из прошлого раза.

Задержавшись в машине на некоторое время, он поднял крышу автомобиля и вышел.

Парень сел, прислонившись к двери, достал что-то из кармана и стал вертеть это в руке.

Приглядевшись, я увидела, что это мобильный телефон.

Насколько я поняла, он собирался попасть в дом.

Но у него, видимо, не хватало смелости, поэтому он убивал время. Почему?

Я не знала, почему так пристально наблюдаю за ним. Этот незнакомец не должен был интересоваться меня, но я не отходила от окна.

Встряхнувшись, напомнила себе, что это неправильно.

Я схватилась за оконную ручку, чтобы закрыть его.

Тем временем парень поднял глаза и заметил меня! На этот раз я хотя бы была одета. В пижаму. Я не видела выражения его лица, но чувствовала, что он смотрит на меня. В этот раз он не насмехался надо мной и не дразнил, он был внимателен. Казалось, что он смотрит мне в глаза, пытаюсь разобраться, зачем я наблюдаю за ним.

Я хотела отвернуться, но не смогла. Он взъерошил свои волосы, не отрывая от меня взгляд.

Мои волосы развевались из-за ветра, и я заправила их за ухо.

Я не могла отвести от него глаз, а он не мог отвести глаз от меня.

Его губы шевельнулись, будто он хотел что-то сказать.

Не в силах больше выносить это, я закрыла окно и быстро задернула штору.

Приложила руку к груди, пытаюсь унять биение сердца.

Почему оно бьется так быстро? Почему дрожат руки? Почему перехватило дыхание? Почему свело живот? Передо мной не было лестницы, но я чувствовала тот же страх.

Я боялась упасть. Откуда? Из окна?

Что это за чувство? Почему я так взволнована без при-

чины?

*Это потому, что я уже второй раз попадаюсь на глаза
незнакомому человеку?*

*Потому, что этот человек так внимательно смотрит
на меня?*

Глава 5

Я не помню, во сколько проснулась. Солнце еще не взошло, а облака не исчезли. В общем-то, я и не ждала, что тучи уйдут и станет ясно. С момента, как проснулась, все, что я делала – это просто лежала и наблюдала за небом. Для меня было счастьем иметь хотя бы окно, не говоря уже о комнате.

Сейчас из-за облаков вид был не так хорош, но я подумала, что в ясную погоду смогу видеть звезды и это будет чудесно.

Когда я только открыла глаза, то не сразу поняла, где нахожусь. Все вокруг меня слишком отличалось от приюта. На мгновение мне захотелось оказаться в своей старой комнате. Сенем, спящая рядом, перевернула все мои мысли с ног на голову. Придется приложить усилия ради подруги, ведь она – единственная причина, по которой я оказалась здесь.

Я выпрямилась и прислонилась спиной к подушке. Уставилась на Сенем. Впервые видела ее спящей так безмятежно. Она выглядела такой спокойной. Обычно подруга хмурилась или стонала во сне. Раньше она всегда высовывала одну ногу из-под одеяла, но сейчас спала полностью укрытой.

Я осторожно убрала прядь волос ей за ухо. Обычно Сенем очень злилась в такие моменты и ворчала на меня.

– Не надо, – пробормотала она хриплым сонным голосом.

Я продолжила, и она натянула одеяло на голову. Сенем

пыталась снова уснуть, и я перестала дразнить ее, а затем отступила. Дверь комнаты со скрипом открылась, к нам заглянула улыбающаяся госпожа Эсма.

– Так я и думала, – сказала она, входя в комнату. – Доброе утро.

Я с ворчанием подтолкнула Сенем, чтобы та просыпалась. Но она не двинулась. Подруга успела снова безмятежно уснуть, а я посмотрела на госпожу Эсму. Сегодняшний ее образ казался гораздо более неформальным, чем тот, что она выбрала вчера.

На ней были джинсы и футболка с V-образным вырезом. Волосы она собрала в хвост с помощью заколки. Надо признать, что госпожа Эсма выглядела гораздо моложе и красивее в такой небрежной, повседневной одежде. Она была привлекательной женщиной, потому что заботилась о себе.

– Доброе утро, – пробормотала Сенем с ворчанием, голос подруги все еще звучал сонно. Увидев госпожу Эсму, она села и зевнула, слегка приоткрыв рот и откинувшись на подушку.

– Доброе утро.

Госпожа Эсма впервые наблюдала ее сонное и растерянное состояние, но я хорошо знала, как тяжело Сенем просыпаться каждое утро, потому что наблюдала за этим на протяжении двенадцати лет. Когда Сенем просыпалась слишком рано, она становилась крайне раздражительной и просто невыносимой, но, когда она высыпалась, то была более

активной, чем кто-либо другой. Когда Сенем снова широко открыла рот и зевнула, госпожа Эсма удивленно посмотрела на нее и усмехнулась. Что ж, Сенем придется привыкнуть к ранним подъемам.

– Хорошо ли вы спали, девочки? Удобные ли у вас кровати? – Я кивнула в ответ на вопрос госпожи Эсмы, не обратив внимания на боль в пояснице. Сенем же продолжала зевать и никак не могла собраться с мыслями.

– А как насчет тебя, Сенем? Разве твоя кровать оказалась неудобной? Почему ты спала здесь? – спросила госпожа Эсма. Сенем перестала зевать и лукаво усмехнулась. Эта ухмылка не предвещала ничего хорошего. Когда подруга вытащила подушку, на которую я опиралась, и накрыла ею мою голову, я поняла, что не ошиблась в своих прогнозах.

– Потому, госпожа Эсма, что я делила комнату с этой девушкой почти двенадцать лет, в течение которых мы каждое утро сводили друг друга с ума. Мне очень понравилась моя комната, но вчера я не могла уснуть одна, без Нисы. Мне очень жаль.

Она продолжила бить меня подушкой по голове, и стало ясно, что от сна в ней не осталось и следа. Я взяла подушку и точно так же положила подруге на голову. С улыбкой наблюдая за нашим дурачеством, госпожа Эсма сообщила, что завтрак готов. Как только она вышла из комнаты, я прыгнула на кровать и объявила войну Сенем.

Может быть, мы учились жить под крышей незнакомой

семьи, но то безумное, детское чувство внутри нас, казалось, никогда не исчезнет. Оно будет жить с нами и, возможно, однажды умрет с нами. Сенем могла быть самым сумасшедшим, безумным, глупым человеком в этом мире, по моему мнению, но самое главное – она была подругой, которая не оставляла меня несмотря ни на что, и своим присутствием поддерживала. Я не знала, какой станет наша жизнь теперь, но верила: пока Сенем со мной, все будет хорошо. Я чувствовала это.

После вкусного завтрака, приготовленного Зехрой, мы отправились в торговый центр. Господин Деврим не смог пойти с нами из-за дел, но госпожа Эсма оказалась неугомонной. Она тратила, тратила и тратила. Мне было очень неловко, но я уже поняла, что этой женщине невозможно сказать «нет».

Мы начали с магазина нижнего белья.

Затем купили необходимую технику. Везде, куда бы мы ни заходили, госпожа Эсма выбирала лучшее и не принимала возражений. Не имело значения, сколько раз я говорила «нет», она все равно меня не слушала. Мобильный телефон в моей руке и у Сенем служили тому доказательством. Очень хорошие аппараты, но слишком дорогие. Особенно для одного дня покупок.

Я чувствовала себя так, словно на меня взвалили огромную ношу. И она не ограничивалась телефонами. Ноутбуки и небольшие телевизоры последовали в машину вслед за нами.

О боже! Кто-нибудь, пожалуйста, остановите эту жен-

щину.

Пока я продолжала бороться с внутренним смущением, Сенем вела себя совершенно иначе. Во всех магазинах, которые мы посетили, Сенем безропотно принимала все, что выбирала для нас госпожа Эсма. Мое недовольство она, конечно, игнорировала. Когда я попыталась сдержать подругу, она попросила меня замолчать. Мне оставалось лишь подчиниться.

Я знала, что Сенем рада нашей новой совместной жизни. Но я боялась, что она слишком увлечется. Никто не хотел бы подвести лучшего друга. Но Сенем менялась под влиянием новой жизни уже сейчас. Я поняла: остановить это будет очень сложно.

Наконец мы вышли из последнего магазина. Здесь не было ни одной вещи, которую бы не заметила Сенем. Она так хотела получить новую одежду, что, когда она спрашивала меня о том, идет ли ей та или иная вещь, я просто кивала – подруга не нуждалась в моем мнении.

Я мало что знала о моде и одежде. К тому же у нас с Сенем с детства отличались вкусы. Она охотилась за вычурным и модным, а я – наоборот ненавидела экстравагантные и блестящие вещи. Когда собиралась что-то купить, я шла и выбирала самое простое. Сенем была девушкой в платье, а я – в джинсах и футболке.

Я поискала глазами госпожу Эсму. Застав ее в отделе с платьями, я подала ей знак, говоривший, что хочу покинуть

это место. Магазин одежды подавлял меня.

– Эсма?

Чужой голос достиг моих ушей, и взгляд госпожи Эсмы, встретившись с моим, сразу устремился в ту сторону, откуда доносился звук.

– Мельтем, дорогая, какая приятная встреча. Как ты?

Госпожа Эсма улыбнулась женщине, которая ее окликнула, а Сенем в это время вышла из примерочной с одеждой в руках и подошла ко мне. Мы обе смотрели на госпожу Эсму и незнакомку и пытались понять, кто эта женщина.

– Я хорошо, а ты как?

На лице этой женщины, которую госпожа Эсма назвала Мельтем, появилось выражение грусти. Мое любопытство опять взяло верх. Я не знала, кто эта женщина, но было очевидно, что у нее проблемы.

– Очень хорошо, – ответила госпожа Эсма и поманила нас с Сенем к себе. Она взяла нас за руки, и госпожа Мельтем посмотрела на нас с улыбкой. Теперь я могла разглядеть ее лучше. Короткие темно-каштановые волосы по плечи как и у госпожи Эсмы, темно-карие глаза, гармонирующие с ними. Судя по одежде, она была обеспеченной.

– Ваши дочери? – вежливо спросила она. Не знаю почему, но незнакомка казалась очень милой.

– Да, Ниса и Сенем, – ответила госпожа Эсма. Я улыбнулась и протянула ладонь для рукопожатия.

– Я очень рада познакомиться с вами, девочки, – сказала

она. Голос звучал очень искренне.

– Это наша соседка, госпожа Мельтем, она живет на соседней улице.

Когда госпожа Эсма представила нам эту женщину, мои глаза расширились от удивления. Она сказала «на соседней улице»? Может быть, эта женщина мать того паренька? Не было причин сомневаться, что так и есть.

– Они очень красивые, дорогая, – сказала госпожа Мельтем, и госпожа Эсма, заметив наше беспокойство, похлопала нас по рукам в знак поддержки. Мне было не по себе, но Сенем казалась вполне довольной.

– Я очень рада за тебя, Эсма. Все в клубе говорят об этом, – продолжила госпожа Мельтем, и я сделала кислое лицо. *Значит, у них тоже есть клуб?*

– Они уже успели это обсудить? Ничего не упускают.

Резкий голос госпожи Эсмы говорил о том, что она так же обеспокоена этой ситуацией, как и я. Ей, похоже, не нравились такие вещи.

– Девочки, идите дальше, – произнесла госпожа Эсма и направила нас к витринам. Я почувствовала, что она и госпожа Мельтем собираются поговорить о чем-то особенном. Мне было очень интересно, что это за разговор.

Сенем направилась к витринам с одеждой в руках, а я продолжила идти чуть поодаль от госпожи Эсмы и госпожи Мельтем, чтобы слышать их голоса. Подслушивая, я понимала, что поступаю невежливо, но ничего не могла с собой

поделать. Любопытство однажды могло навлечь на меня беду.

– Вы ведь тоже слышали голоса вчера? – пробормотала госпожа Мельтем, и я, чтобы не привлекать внимания, взяла платье с витрины, как будто рассматривая. Да, я сама стала свидетельницей вчерашней ссоры.

– Такие вещи случаются в каждой семье, Мельтем. Не волнуйся.

Госпожа Эсма стала успокаивать госпожу Мельтем, и я подошла к ним немного ближе.

– Не понимаю, почему они так часто ссорятся. Я так устала постоянно быть между ними, Эсма. Сын больше не живет дома. Он заходит, когда ему что-то нужно, а потом оставляет нас. Теперь, когда у него есть этот маленький домик, который мы купили для него, он даже не подходит к нам. Ты знаешь, что происходит, когда он возвращается домой.

Голос госпожи Мельтем звучал довольно трогательно, и я поняла, что не ошиблась в своих домыслах. Эта женщина была матерью водителя «Импалы». Хотя я ошибалась в большинстве своих догадок до сих пор, в этом случае попала в точку. Печаль в ее голосе заставила меня задуматься о том, как бессердечен этот идиот, как добра и мила его мать и как ему должно быть стыдно за то, что он ее расстраивает. Некоторые из нас были лишены матерей, другие не ценили их.

– Не пойми меня неправильно, Мельтем, но покупать дом для восемнадцатилетнего ребенка очень неразумно.

В этом вопросе я не могла не согласиться с госпожой Эсмой. Это казалось мне не просто неразумным, а абсурдным решением. Можно ли купить подростку дом и позволить жить одному? Ему что, не хватало большого дома? Он ведь всего лишь мальчишка. Он пил, вел разгульную жизнь. И водил «Шевроле Импалу»... Они слишком избаловали его, но не понимали этого.

– Я понимаю. Я пожалела об этом позже, но мы не можем его забрать. Это слишком...

– Он сумасшедший.

– И бездельник.

Мне было приятно узнать, что госпожа Мельтем не лучшего мнения о сыне. Когда я вспомнила, как он повел себя, когда увидел меня в халате, мне захотелось вырвать ему волосы с корнем.

– Надеюсь, все наладится, дорогая, – сказала госпожа Эсма, и я поняла, что разговор окончен, и быстро отошла в сторону. Сделала вид, что меня интересует одежда, лежащая передо мной, и с облегчением поняла, что госпожи Мельтем рядом нет. Наверное, ушла.

Выбросив ситуацию из головы, я продолжила бродить по магазину. Мне не хотелось идти к Сенем, потому что она постоянно примеряла новые вещи и задавала эти надоедливые вопросы: «Как тебе это? Мне идет?» Она изводила меня ими. Я решила посмотреть, есть ли в отделе с одеждой что-то, что мне удалось бы купить, но, как только увидела цены

на этикетках, поджала губы. *Почему эти вещи такие дорогие? Здесь не использовано так уж много ткани. Это лишние траты.* У меня не хватило смелости примерить такие короткие платья и тем более купить их. У меня не было красивых, тонких ног, зато были проблемные бедра. Как только я надевала подобное платье, это сразу же становилось заметно. Мне стоило воздержаться от таких покупок. Просмотрев еще несколько ценников, я решила, что не стану ничего здесь покупать. Я не жадничала, но мне не хотелось сорить деньгами новой семьи.

Я бродила по магазину так рассеянно и празднично, что, думаю, никто не удивился бы, если бы я заблудилась. Только успела подумать, что моя рассеянность приведет меня к неприятностям, как врезалась в пластиковый манекен, и тот упал на пол. Если бы я снималась в фильме или сериале, то врезалась бы в красивого мужчину и влюбилась в него.

Все смотрели на меня, а я с виноватым видом пыталась исправить ситуацию. Подняв манекен с пола, разглядела платье на нем и удивилась: как такая красивая ткань ускользнула от моих глаз?

Платье было очень гламурным. Полуночно-синее, с кружевной вышивкой, которая начиналась чуть ниже плеча и продолжалась до локтя. Все платье состояло из тонкого кружева. На спине – глубокий вырез. Любая в этом платье выглядела бы прекрасно. Кто-то другой мог бы подумать, что это довольно простая модель. Оно казалось полным зага-

док. Оно манило меня, но я точно не решилась бы его надеть. Слишком короткое, слишком шикарное. И с заоблачным ценником.

– Я думаю, оно тебе очень подойдет.

Я услышала знакомый голос, раздавшийся совсем близко. Когда я повернулась, встретилась взглядом с госпожой Мельтем. Она подошла ко мне и улыбнулась, проведя рукой по моей спине. Мне следовало ей ответить.

– Я так не думаю, – сказала я, и она перевела взгляд с платья на меня.

– Почему это?

Я думала, что сказать.

– Оно слишком короткое, а мои ноги недостаточно красивы для такой длины, – честно призналась я. Госпожа Мельтем подошла ко мне и взяла за подбородок, заставляя посмотреть на нее.

– У тебя очень красивое лицо. Какое значение имеют твои ноги?

Пока я пыталась собраться с мыслями, госпожа Мельтем отпустила мой подбородок и отстранилась. Я потеряла дар речи и никак не могла подобрать подходящих слов. Даже для благодарности.

Мне никогда никто не говорил, что я красивая. Даже назойливый Ахмет, который преследовал меня годами. Было странно слышать, как кто-то говорит это.

Госпожа Мельтем перекинула сумку, которую держала в

руках, через плечо и направилась к двери магазина.

Пока я злилась на себя за то, что даже не смогла сказать «спасибо», она повернулась и снова посмотрела в мою сторону.

– Не упусти это платье, – сказала она, прежде чем вышла из магазина, и подмигнула мне. Глядя ей вслед, я подумала, что тому вредному мальчишке очень повезло. Его мать действительно добрая женщина, и он должен быть благодарен за это.

– Ты покупаешь платье, Ниса?

Я все еще смотрела на дверь и заметила присутствие госпожи Эсмы, только когда услышала ее голос. Я снова перевела взгляд на платье и подумала, что никогда не смогу надеть его.

– Нет, это не для меня. Кроме того, это немного...

Я не хотела говорить «дорого». Знала, что обижу этим госпожу Эсму, но это была правда.

– Мы возьмем его! Упакуйте и это платье.

Не успела я осознать, что происходит, как госпожа Эсма уже дала распоряжение продавцам.

– Я еще даже не примерила его. – Она снова проигнорировала меня, когда я попыталась отказаться. Мне правда не хотелось покупать это платье.

– Ты можешь примерить его дома. Если не подойдет, мы привезем его обратно.

Госпожа Эсма не замечала, что мы с Сенем разные. Я не

была человеком, который на все соглашается и все принимает. Не было необходимости покупать дорогое платье, которое я не собиралась носить.

– Но...

– Я не приму возражений.

Когда она сказала это, я замолчала. У меня не осталось сил, чтобы спорить.

Пока продавцы занимались поиском моего размера и упаковкой платья, голос внутри говорил, что оно однажды станет для меня проблемой. Я надеялась, что на этот раз ошиблась в прогнозах.

Когда мы вернулись домой после шопинга, я попыталась заставить себя разобрать пакеты. Что сделано, то сделано. Я вдруг подумала, что если бы вернула все эти вещи, то стала бы богатой и могла бы долгое время жить на эти деньги. Сенем купила гораздо больше вещей, чем я, и она была всем довольна. Мне следовало как можно скорее найти способ прекратить это ее расточительное поведение, иначе ситуация могла выйти из-под контроля.

Укладывая в шкаф купленную одежду и то самое платье, я с трудом боролась с внутренней усталостью. Когда я подняла пустые пакеты с пола и взяла в руки мобильный телефон, лежавший на столе, мне стало еще тоскливее. Сколько всего можно было бы купить на эти деньги! Однако я умела довольствоваться тем, что имела.

Я была благодарна госпоже Эсме за то, что она позволила

мне купить несколько книг в дополнение ко всем этим излишествам. Я как раз ставила новые романы на полку, когда в дверь моей комнаты постучали.

– Могу я войти, Ниса?

Когда господин Деврим, которого я не видела весь день, заглянул в комнату, я кивнула в знак согласия.

– Как прошел шопинг? – спросил он с любопытством, его взгляд переместился на пустые пакеты.

– Это не совсем мое, – призналась я, и улыбка расплылась по его лицу. Он достал что-то маленькое из внутреннего кармана пиджака и протянул мне. Это оказался паспорт.

– Я запишу тебя в школу завтра, но прежде должен позаботиться об этом. Мне нужны еще кое-какие документы для паспорта Сенем, но я обязательно сделаю его как можно скорее. Хотя в твоём ещё нет фотографии, я хочу подарить его тебе.

Мои губы задрожали, мне стало сложно дышать, в горле застрял ком. Я взяла протянутый паспорт. В то время как моя родная семья обрекла меня на одиночество, чужие люди приняли меня в свою, и теперь я носила их фамилию.

– Ниса Алтун.

Когда новое имя шепотом сорвалось с моих губ, господин Деврим подошел ко мне и погладил по щеке.

– Теперь ты моя дочь.

Я стала частью этой семьи даже на бумаге. Может быть, я несла в себе чужие гены, но ни господина Деврима, ни госпо-

жу Эсму это не волновало. Мы согласились стать их детьми, как только переступили порог этого дома.

– Спасибо, господин Деврим. – Когда я сказала это, он схватил меня за плечи и потряс, пытаясь привести в чувство.

– Может, перестанешь называть меня господином? Ты можешь звать меня дядей, например.

Я не нашлась, что ответить. Хотя я не любила формальности, мне казалось странным называть его дядей.

– Ну, госп... – Я прочистила горло, прежде чем закончить фразу. – Я имею в виду, дядя Деврим.

Услышав это, он снова улыбнулся и поцеловал меня в щеку, и я почувствовала запах его одеколона.

– Вот так. Увидимся за ужином, дочь моя.

Дочь? Это священное слово отдалось болью в сердце. Когда господин Деврим произнес его, оно прозвучало, как прекрасная колыбельная, и облегчило боль...

После того как господин Деврим покинул комнату, я села на кровати, держа паспорт в руках. Я не знала, где сейчас мои настоящие мама и папа, что они делают, как живут, но должна была смириться с тем, что их никогда не существовало для меня и что они никогда не придут за мной.

Мою маму зовут Эсма, папу – Деврим. Я собиралась продолжить свою жизнь как Ниса Алтун. Мне следовало избавиться от прошлого, оставить его позади и шагнуть в новую жизнь, перестав оглядываться назад. Я должна была принять изменения и справиться с ними. Ради Сенем, ради этих лю-

дей, которые заботились обо мне и оберегали.

Ниса Алтун... Теперь это было так, и подтверждение тому лежало на ладони.

Глава 6

В школе я всегда была благоразумной, ответственной, усердной ученицей... Так было в начальных классах. И так продолжалось до настоящего времени. В начальной школе у меня в табеле всегда стояли отличные отметки. Я не хотела менять это и в старших классах.

Конечно, что-то могло измениться, но я не собиралась снижать планку. Отметки были важны для меня. За прошедший семестр я получила баллы ниже, чем обычно. Но все-таки закончила его с отличием. Я немного ботаник. Хотя я пока не знала, кем хочу стать, и не могла все контролировать, я старалась получать хорошие оценки.

Я знала, что однажды научусь стоять на ногах и принимать решения. Я хотела взять ответственность за свою жизнь.

Большое влияние на меня оказала госпожа Севда. Благодаря ей я ходила в школу. Она не прекращала заниматься с нами в течение всего времени, что мы жили в приюте. Госпожа Севда старалась, чтобы ни один ребенок в приюте не остался невеждой. Она желала всем нам светлого будущего. Я буду испытывать уважение и восхищение этой женщиной всю жизнь.

Ну а теперь ближе к делу... Я готовилась к поступлению в школу. Это заставляло меня чувствовать себя словно внутри урагана.

После того как дядя Деврим оформил документы Сенем, он записал нас в частную школу. Мы договорились, что, если нам там будет некомфортно, он заберет нас оттуда и отправит в более подходящую среднюю школу. Но я знала об отношении Сенем к этому вопросу и даже не надеялась перейти из частной школы в обычную.

Два дня назад Сенем и дядя Деврим отправились в школу и завершили процесс регистрации, и Сенем смогла осмотреть окрестности. Из ее комнаты вид открывался только на сад. Я же всегда могла видеть улицу. Сенем часами пилила меня по этому поводу.

Несмотря на просьбу дяди Деврима поехать в школу с ними, в тот день я решила остаться дома.

Дядя Деврим, должно быть, заметил мою нерешительность, потому что поговорил со мной и Сенем и рассказал о системе образования в школе. Но страх во мне вызывала не система образования. Она везде одинакова, если человек учится усердно. Настоящей проблемой казались люди, которых я могла встретить. И это не зависело от того, стану ли я успешной в учебе. Сенем, вероятно, быстро справилась бы с этим, потому что она всегда была открытой. Она любила общаться с людьми. А я нет. Я боялась знакомиться и разговаривать. Люди, которые не знали меня, считали меня холодной. Только один человек всегда говорил мне, что я не такая, но его не было рядом. За то короткое время, что провела здесь, я так соскучилась по Мустафе и его манере умничать.

Сейчас бы он стал убеждать меня, что все будет хорошо.

«Решайся, девочка! Ты пойдешь в эту школу», – сказал бы он и, если бы понадобилось, потащил бы меня за руку. Я бы хотела, чтобы он оказался здесь сейчас.

Я испытывала сильный стресс из-за первого дня в школе. Первого дня в моей новой школе... Зимние каникулы, полные суеты, закончились, и наступил день, который так пугал меня. Девушка в форме, которую я видела в зеркале, выглядела такой беспомощной, что мне захотелось взять ее за руку и поддержать, прошептать какие-нибудь слова, чтобы она перестала бояться. Но я не могла. Беспомощность полностью поглотила меня.

Я не знала, в каком состоянии Сенем.

Вчера вечером я выпрямила волосы, чтобы не возиться с ними утром. Но сколько ни расчесывала их, мне не удавалось придать им нужную форму, поэтому я отбросила их в сторону и заплела косу. Когда покончила с испуганными взглядами в зеркало, то подняла сумку с пола и двинулась к Сенем. Вчера вечером, перед тем как лечь спать, она пришла ко мне в комнату и стала говорить о том, как рада школе. Она очень быстро увлекалась, и это вызывало у меня беспокойство.

Когда я потянулась к дверной ручке, дверь распахнулась мне навстречу, и я ударилась головой.

– Ты готова?

Я потеряла лоб, а Сенем вышла из комнаты, не обратив на меня никакого внимания.

– Детка, открывай дверь медленнее!

Когда я подошла к зеркалу, чтобы посмотреть, не покраснел ли лоб, Сенем последовала за мной. Мы встретились взглядами в зеркале, и я увидела, что она странно смотрит на меня.

– Только не говори, что ты собираешься в школу в таком виде.

Я не поняла, что выражал тон ее голоса. Любопытство? Недоумение? Презрение?

– Что со мной не так? – спросила я, сцепив руки.

Я старалась не обижаться, но хотела показать, что расстроена. Сенем проигнорировала это и, положив руки на талию, осмотрела меня с головы до ног.

– Ты с ума сошла, Ниса? Ну завяжи уже две косы, если хочешь выглядеть как ребенок. Мы идем в частную школу, детка, а не в детский сад!

Она не понимала, что причиняет боль, оценивая мою внешность.

– Мне так комфортно. – Я пожалала плечами и направилась к двери.

Сенем опередила меня и стянула сумку с моего плеча. Она усадила меня на табурет перед зеркалом.

– Я собираюсь уложить твои волосы, – сообщила она, начав расплетать косу.

Для меня не имело значения, как я выгляжу, я не хотела опоздать в школу в первый же день.

– Сенем, мы опоздаем, – сказала я, вставая.

Из-за косы волосы опять завились.

Я посмотрела на Сенем в надежде, что она успокоится, и только теперь поняла, что подруга выглядит иначе, чем обычно. Первое, что бросилось в глаза, – косметика на ее лице. Я никогда не видела ее накрашенной, потому что Сенем никогда не нуждалась в этом. Ее лицо напоминало кожу младенца. Ее светлые густые волосы завивались. Теперь, в своем новом образе, она выглядела частью нового мира.

– Ты красишься?

Сенем продолжила попытки уложить мои волосы.

– Возможно, да.

Она не отрицала этого, но мне было интересно, когда она успела купить всю эту косметику.

– Когда ты успела купить все это?

Госпожа Эсма тратила на нас обеих поровну. Я не покупала косметику, поэтому меня удивило то, что у Сенем она есть.

– Мне могли это подарить.

Ее ответ подействовал мне на нервы, и я подумала, что такое поведение ей совсем не идет.

– Сенем! – Даже когда я прикрикнула на нее, подруга продолжила рыться в ящиках перед зеркалом, не обратив на меня внимания. Когда она взяла маленькую кисть и коробочку с румянами, я поняла, что она хочет сделать, и отступила назад.

– Давай и тебе наложим румяна, – сказала Сенем, и я отодвинулась дальше. Я не хотела этой ерунды, не хотела, чтобы люди судили обо мне по внешности. – Мне так хочется, – настаивала она, приближаясь ко мне с косметикой в руках. – Мы собираемся в школу, Ниса. Подумай о людях там и дай привести тебя в порядок.

Это становилось раздражающим, все ее мысли о школе ограничивались желанием выглядеть там хорошо. Реальная жизнь была другой. Частная школа ничем не отличалась от обычной, но Сенем упорно не хотела этого видеть.

Я не смогла сдержать слез. Мне стало обидно, что лучшая подруга оценивает меня по внешности, а не по внутреннему миру. Должно быть, Сенем поняла, какую ошибку совершила, потому что она снова подошла ко мне с кистью и палеткой в руках.

– Только немного румян, – ласково попросила она, но это не уменьшило моей обиды.

Я не стала возражать и позволила подруге сделать это, но Сенем, закончив с румянами, достала из ящика что-то еще.

– Давай и ресницы покрасим.

– Я могу сделать это сама.

Мой голос прозвучал довольно строго, я взяла тушь в руки и встала перед зеркалом. Пока я неуклюже красила ресницы, Сенем открыла шкаф и начала рыться в нем.

– Надень это, когда закончишь. Тебе очень пойдет.

Бросив на кровать красный кардиган, она вышла из ком-

наты. То, что Сенем оставила меня одну, пошло на пользу. Я почувствовала некоторое облегчение. Что это с ней? Навязчивое поведение, недовольство... Казалось, что Сенем превращается в кого-то, кого я не знаю, и быстро втягивается в эту причудливую жизнь. Может быть, было слишком рано думать об этом, может быть, я бредила, не знаю. В конце концов, это была наша первая неделя здесь. Но я не могла избавиться от подобных мыслей.

Накрасить ресницы так и не получилось, и я в раздражении бросила тушь в ящик. Первый день в новой школе не должен был начаться таким нелепым образом. Если бы мы пошли учиться в обычную среднюю школу, то всей этой ерунды не случилось бы сегодня утром. Почему я не смогла возразить? Очевидно, я чувствовала, что в долгу перед Сенем. Только благодаря ей я получила эту жизнь.

Я надела кардиган, который Сенем бросила на кровать, потому что не хотела ее обидеть. Поскольку только начался февраль, я взяла с собой пальто. Когда я вышла из комнаты и направилась к лестнице, до ушей донесся веселый смех Зехры. Я спустилась вниз, держась за перила. Зехра убирала со стола завтрак, а госпожа Эсма помогала ей. Я тепло поприветствовала их и направилась к двери. Госпожа Эсма подошла ко мне и, расцеловав в щеки, пожелала удачи. Что ж, она мне понадобится.

Когда увидела Орхана, чистящего бассейн в саду, несмотря на холодную погоду, я помахала ему и двинулась к маши-

не. Дядя Деврим сидел рядом с Седатом, и я заняла место сзади, рядом с Сенем. Дядя Деврим сообщил, что Седат сначала отвезет нас в школу, а затем доставит его в больницу. Между мной и Сенем царило молчание, и я не собиралась ничего с этим делать. Не хотела говорить с ней после нелепостей, что она устроила.

Когда мы подъехали к школе, Седат остановил машину и вышел. Он открыл нашу дверь, но я сказала ему, что в этом нет необходимости, и попросила больше так не делать. Я чувствовала себя отвратительно из-за того, что он прислуживал мне. Мы ничем не отличались друг от друга.

Как и госпожа Эсма, дядя Деврим пожелал нам удачи, и мы с Сенем направились к большим железным воротам школы. Прежде чем мы вошли во двор, я обратила внимание на машины вокруг. Людей вокруг не было. Вероятно, уроки уже начались. Когда я уже собиралась пойти к зданию, я нерешительно подняла голову и прочла название, написанное на вывеске: «Частная школа Улусой».

Когда Сенем прижалась ко мне и взяла за руку, я попыталась улыбнуться, отбросив все неприятные моменты, которые случились чуть раньше. Я должна была хотя бы попытаться разделить ее восторг. Пока мы шли рука об руку к трехэтажному зданию школы, я отметила, что оно такое же красивое и чистое, как и наш дом. Хотя была зима, во дворе зеленели большие изгороди. На мгновение мне захотелось потрогать их, чтобы проверить на подлинность, но я отмела

глупые мысли и продолжила идти.

Когда мы поднялись по лестнице и вошли внутрь, я поняла, что ошиблась, подумав, что занятия уже начались. У входа находился кафетерий, и почти все студенты были здесь. Зеленые глаза Сенем расширились от удивления, и мои, наверное, тоже. Студенты вокруг смеялись и болтали друг с другом с улыбками на лицах, не замечая нас. Я почувствовала облегчение. Мне не нравилось привлекать к себе внимание.

Я взяла Сенем за руку, и мы двинулись к свободному столу. Незнакомая блондинка увидела нас, встала со стула и подошла к нам.

– Привет! Вы, должно быть, новые студенты. Я Дамла Четин.

На мгновение я подумала: «Не может быть! Неужели по нам это так заметно?» Я хотела было отшутиться, но отказалась от этой идеи, встретившись взглядом с Сенем. Мне показалось, что девушка перед нами говорила не слишком искренне. Ее голос показался мне искусственным, но, раз мы были новенькими, нам следовало представиться.

– Ниса.

– Сенем.

– Моя тетя много рассказывала о вас. Вы – приемные дочери семьи Алтун, верно?

Первая минута, первый гол! Откуда она узнала об этом? Сенем подняла брови и вопросительно посмотрела на ме-

ня, я тоже нахмурилась. Дамла, должно быть, поняла, что сказала нечто нелепое, потому что добавила:

– Моя тетя – директор школы.

Я, конечно, не могла винить ее за то, что она узнала о нас от своей тети, но не испытывала к ней теплоты.

– Да, мы их дочери, – ответила Сенем, не забыв продемонстрировать свои тридцать два зуба. Ей стоило как можно скорее избавиться от этой улыбки. Она должна была понять, что не все блондинки чисты и хороши, как она. Взгляд Дамлы просто кричал о том, что она очень хитрый человек.

– Мне очень нравится дядя Деврим, – сказала она, и я подумала: «Не может быть!» Очевидно, наш дядя-доктор был довольно известен в этом районе.

– Разве занятия не начинаются в восемь?

Когда я задала этот вопрос, Дамла взглянула на часы и закатила глаза. Хорошо, мы не понравились друг другу.

– Да, но, поскольку сегодня первый учебный день, они начнутся на час позже.

Знакомься с нелепыми правилами нелепой школы, Ниса.

– Сначала мы пойдем к моей тете и получим ваше расписание. Затем я покажу вам школу.

Я хотела сказать, что в этом нет необходимости, но Сенем помешала мне.

– Это было бы здорово.

Сенем с радостью приняла предложение Дамлы. Она стремилась завести новых друзей больше, чем я. Пока Сенем ра-

достно улыбалась Дамле, та смотрела на меня. Не знаю, как Сенем, но мне не нравилась эта блондинка Дамла, и я ей тоже; по крайней мере, наши чувства оказались взаимными. Я взяла Сенем за руку и притянула к себе. Сенем была моей, и нам стоило прекратить разговор с Дамлой. Она должна была понять, что, если она станет пялиться на мою лучшую подругу, я выколю ей глаза.

Я не знала, что смогу почувствовать себя еще более подавленной, до тех пор, пока мы не получили бумаги с информацией о наших классах от тети Дамлы. Нам с Сенем предстояло учиться в разных классах, как в нашей старой школе. Ее зачислили в класс «А» с гуманитарным уклоном, а меня в класс «Б» – с математическим. И, самое худшее – Сенем попала в один класс с этой назойливой Дамлой. Все, что бог дал ей, – длинные нос и язык. Она не могла замолчать! Да, она показала нам компьютерную, химическую и физическую лаборатории школы, театральный зал, но какое мне дело до того, что Селин из словесного класса провела зимние каникулы в Улудаге?! Или до того, что говорят, будто ее семья очень богата, что они делают все, что она просит, что Селин получает все, что хочет... Зачем мне это знать?

– Потом она и ее парень расстались, но он, конечно, наивный и глупый, все еще бежит за ней.

Затем Дамла стала рассказывать о приключениях парня Несрина, одного из учеников математического класса. Я уже была готова ударить Дамлу, лишь бы она замолчала!

– Он очень глуп, – согласилась Сенем, поддакивая новой знакомой.

Я приближалась к нервному срыву. С тех пор как мы узнали о наших классах, Сенем старалась держаться ближе к Дамле.

Теперь я оказалась позади них. С меня было достаточно. Сенем смеялась с Дамлой и поддакивала каждой ее сплетне. А мы и получаса не пробыли здесь. Я знала, что в этой школе меня ждут проблемы, но это оказалось слишком. Дамла взяла Сенем под руку, и я с мольбой посмотрела на подругу, но та лишь улыбнулась.

– Послушай, эта девушка мне не нравится, – прошептала я.

Сенем посмотрела на меня, нахмурившись.

– Говори немного тише, Ниса. Она услышит.

Я продолжила шептать ей на ухо, не обратив внимания на ворчание подруги.

– Я и так говорю спокойно, – фыркнула я, прищулив глаза и схватив Сенем за руку. Я почувствовала облегчение, когда мы вновь оказались в кафетерии. *Ну, по крайней мере, на публике прекратятся сплетни. Не так ли?*

Когда мы сели за один из пустых столов, толпа начала медленно уменьшаться.

Все как будто расступились. В коридор вошла высокая девушка, и все взгляды устремились в ее сторону. Она была довольно красивой... Ее волосы походили на мои, но выгля-

дели гораздо более ухоженными. Все, от берета на голове до ее ботинок, говорило о ее статусе. Я перехватила взгляд Сенем и поняла, что она очарована этой девушкой. Она действительно была хороша собой, и почему-то я почувствовала зависть.

– Айбюке Эрбай. Ее мама и папа живут отдельно. Она почему-то носит фамилию своего деда, а не отца. Детство она провела с ним, наша местная шлюха-принцесса.

О боже, Дамла, ну почему ты не можешь заткнуться... Шлюха... Я не знала эту девушку, чья красота заставила меня завидовать, но со стороны Дамлы было невежливо так говорить о ней. Ни один человек не заслуживает, чтобы его так называли.

– У этой девчонки просто железный характер, и она тут всем заправляет.

О чем вообще говорит Дамла? Зачем нам эта информация?

– Что еще ты знаешь о ней?

Дамла рассмеялась, а я уже пожалела о своем любопытстве.

– Ниса, заткнись, – огрызнулась Сенем. Я почувствовала себя еще хуже, но решила не отступать.

– Почему это? Мне любопытно.

Когда я ответила в таком тоне, она больно ущипнула меня.

– Ты считаешь, это нормально, так расспрашивать? – спросила она серьезным тоном, а я вновь посмотрела на Ай-

бюке. Эта девушка казалась мне такой красивой, она выглядела как героини тех сериалов, что мы смотрели, как самая популярная девчонка в школе, которую все добиваются.

Когда Айбюке села за столик с кофе в руке, несколько девушек сразу же направились к ней. Вот что значит быть популярной...

Когда я оторвала взгляд от Айбюке и осмотрела столовую, мне вдруг стало интересно, где же библиотека. Дамла рассказывала обо всем, якобы показывая нам школу, но ей даже в голову не пришло показать библиотеку. Я сомневалась, что эта любительница сплетен вообще читает книги, но все же.

— Дамла, иди сюда!

Я повернула голову в ту сторону, откуда донесся голос. Это нормально, что меня больше заинтересовали волосы этой девушки, чем она сама? Именно такие мне всегда хотелось иметь. Мои волосы не были ни прямыми, ни кудрявыми. Моя прическа всегда напоминала воронье гнездо. Независимо от того, сколько времени я тратила на то, чтобы привести волосы в порядок. Они никогда не выглядели достаточно аккуратно и становились растрепанными от любого дуновения ветра.

Девушка, которая окликнула Дамлу, что-то шептала на ухо парню рядом, глядя на стол, за которым мы сидели. Я не знаю, что она сказала, но, когда глаза мальчика встретились с моими, он улыбнулся, и на его щеках появились ямочки. Я неловко отвела взгляд.

– Идите в класс. Я сейчас подойду, – ответила Дамла этой двушке, и я поняла, что люди за другим столом – ее одноклассники. Теперь они были и одноклассниками Сенем.

Кудрявая девушка снова посмотрела на нас, прежде чем направиться к лестнице, и на ее лице появилась улыбка. Она не выглядела слишком ухоженной, но ее волосы были прекрасны.

– Бахар и Батухан Карадаг. Близнецы. Они совсем не похожи, но всегда неразлучны. Они самые популярные в этой школе. После Эмре и Демира, конечно.

Словно заметив мое любопытство, Дамла тут же объяснила, кто они такие. Она как будто всех тут знала.

– Кстати, чтобы вы знали, я девушка Батухана. – Мы кивнули в знак того, что поняли. – А вот и Демир, – взволнованно прошептала Дамла, и я посмотрела туда же, куда был устремлен ее взгляд. – Он – сердце и душа нашей школы. Вы видели машину, на которой он приехал? У него такая же машина, как у Дина Винчестера⁸.

Что я сейчас услышала? Что она только что сказала? «Шевроле Импала»? Демир Гюрсой? Только не это!

Когда высокий парень вошел в кафетерий, я захотела, чтобы все это оказалось лишь страшным сном. Мне казалось, что моя голова сейчас взорвется. *Должно быть, это шутка? Это не может быть один и тот же человек, нет. Мой*

⁸ Дин Винчестер – один из двух главных героев американского драматического телесериала «Сверхъестественное».

sosед не может учиться в этой же школе.

Я положила сумку на колени и молилась, чтобы он меня не заметил. О боже, пожалуйста! Пожалуйста, не сейчас. Я не могу так опозориться.

– Ниса, это он, – тихо прошептала мне на ухо Сенем. Она произнесла это с большим волнением. Я отодвинула сумку немного в сторону и проследила за ее взглядом. Юноша стоял рядом с Айбюке, и они о чем-то разговаривали. Когда Демир подмигивал ей и играл с ее волосами, мне казалось, что они вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.